

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ТЕЗИСЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК НА ИСТОРИЧЕСКИХ
РУБЕЖАХ РОССИИ»**

(12 и 14 декабря 2016 г.)

Москва - 2016

Отв. ред. В.Я.Белокреницкий, Н.Ю.Ульченко.

Конференция организуется Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН и является очередной, 10-ой по счету, в цикле тематических конференций Центра, посвященных проблемам ислама и мусульманского региона к югу от границ бывшего СССР.

В тезисах отражено основное содержание докладов большинства участников конференции, представляющих ИВ РАН, другие исследовательские центры Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, а также Ирана и Украины.

Содержание

Акимов А.В. Динамика индекса развития человеческого потенциала в России и странах Закавказья, Центральной Азии и Среднего Востока.

Андреев Л. Перспективы финансовой системы Ирана в условиях отмены санкций

Белокреницкий В.Я. Исламский мир на исторических рубежах России: геодемография XIX-XXI вв.

Болдырев А.В. Эхо крымской войны в российско-турецких отношениях (вторая половина 50-х – 60-е гг. XIX века)

Вородин Д.А. Курдский вопрос в 1918–1926 гг.: распад Османской империи и раздел этнического Курдистана

Дауров Р.Д. Афганистан – декада трансформаций 2014-2024

Емельянова Н.М. Движение Ф.Гюлена «Хизмет»: судебные процессы 2016 г. В Турции

Иванова И.И. Балканская политика Турции

Каменев С.Н. Пакистан на исторических рубежах России: проблемы и перспективы развития отношений в регионе

Косач Г.Г. «Видение: 2030»: Саудовские реформы

Логинов В.Ю. Туристическая отрасль Ирана и российско-иранские связи в области туризма» (экономический аспект)

Лукоянов А.К. Транспорт в развитии Прикаспийской зоны Ирана: порты Прикаспийской зоны и железные дороги страны

Мальшев А.И. Проблемы типологии современных войн и вооруженных конфликтов

Масленникова Н.В. Анализ ядерной программы Пакистана: энергетические и военные аспекты

Мелехина Н.В. Кашмирский кризис 2016 года: внутривнутриполитический, региональный и международный аспекты

Мелкумян Е.С. Россия и арабские государства залива: политическое взаимодействие в 2000-е годы

Митрофаненкова О.Е. Влияние наркобизнеса на экономические и социальные аспекты в Афганистане

Нессар М.О. Политизация этничности: политический класс и политический процесс в современном Афганистане

Орлов В.В. Марокко в военно-морской стратегии Российской империи (XVIII – начало XX в.)

Серенко И.Н. Трансформация женского движения в Исламской Республике Пакистан.

Слинкин М.М. Операция «Несгибаемая свобода» в Афганистане. Влияние на военное искусство

Тоцкая Е.П. Роль религиозного фактора в контексте формирования внешней политики Исламской Республики Иран в XXI в.

Труевцев К.М. Восхождение Курдистана: возможности и шансы

Черников И.Ф. Мустафа Кемаль Ататюрк, светский характер республиканской Турции и проблемы его осуществления.

Шлыков П.В. Проблема консолидации власти в Турции: до и после военного переворота 15-16 июля 2016 г.

Ягудин Б.М. Военные перевороты в республиканской Турции: истоки, характер, результаты

Яковлев А.Ю. Взаимоотношения мусульман и индуистов и их влияние на обстановку в Южной Азии

Акимов А.В.

Динамика индекса развития человеческого потенциала в России и странах Закавказья, Центральной Азии и Среднего Востока

Цель работы – рассмотреть динамику индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) в России и ее южных соседях. Рассмотрены как страны Закавказья и Центральной Азии, так и Турция, Иран, Афганистан и Пакистан. Перечисленные страны можно разделить на две группы. Первая – успешно развивающиеся государства, наращивающие свой экономический потенциал. Эти государства могут быть партнерами или конкурентами России. К их числу относятся в первую очередь Турция и Иран, а также Казахстан. Особое место занимают Туркменистан и Азербайджан как крупные нефте- и газоэкспортеры, но отстающие от лидирующих стран в рассматриваемой группе по уровню развития экономики.

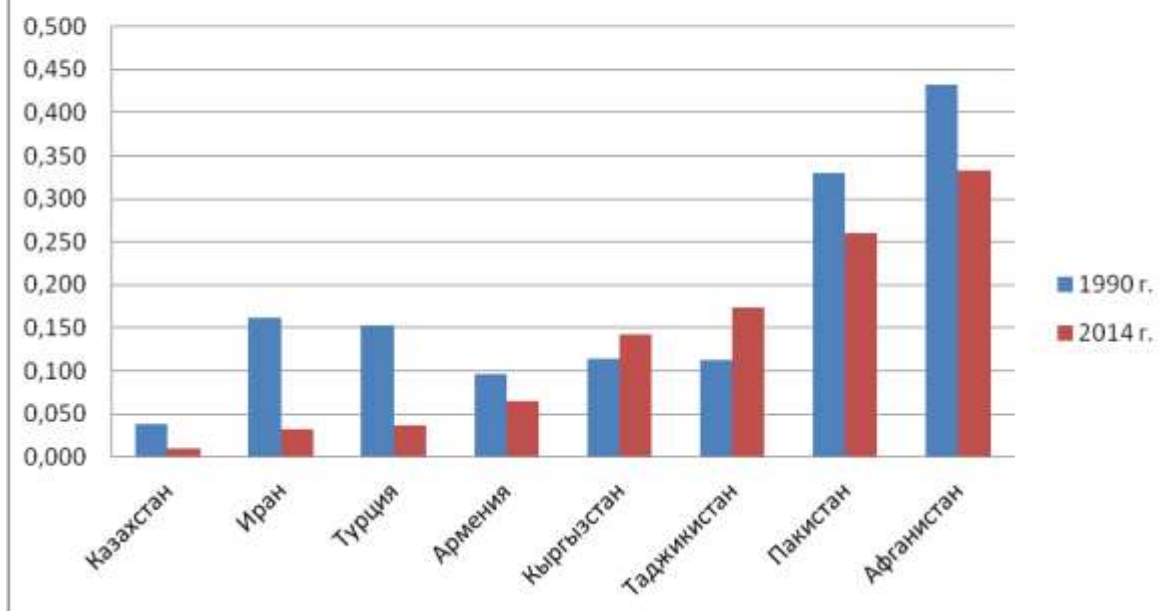
ИРЧП используется как комплексный индикатор уровня социально-экономического развития стран, поскольку в отличие от чисто экономических показателей он включает наряду с уровнем ВВП степень образования населения и продолжительность жизни, то есть состояние медицины в стране. Таким образом, можно считать, что он отражает качественные характеристики населения.

Россия среди рассматриваемых стран является лидером по уровню ИРЧП. Ниже рассмотрена динамика разрыва в уровнях ИРЧП за срок, по которому имеются данные по рассматриваемым странам (рис. 1). Данные по бывшим республикам СССР появились лишь через несколько лет после распада СССР. Кроме того, представлен разрыв в уровнях ИРЧП по состоянию на 2014 г., последний из имеющихся (рис. 2). В нем представлены страны, данные по которым отсутствуют в динамике на первом графике. Уровень ИРЧП не может превышать единицы.

За полтора десятилетия все страны, кроме Кыргызстана и Таджикистана уменьшили отрыв от России в уровне ИРЧП. Нарастание отставания указанных двух стран объясняет устойчивость миграционных потоков из Кыргызстана и Таджикистана в РФ.

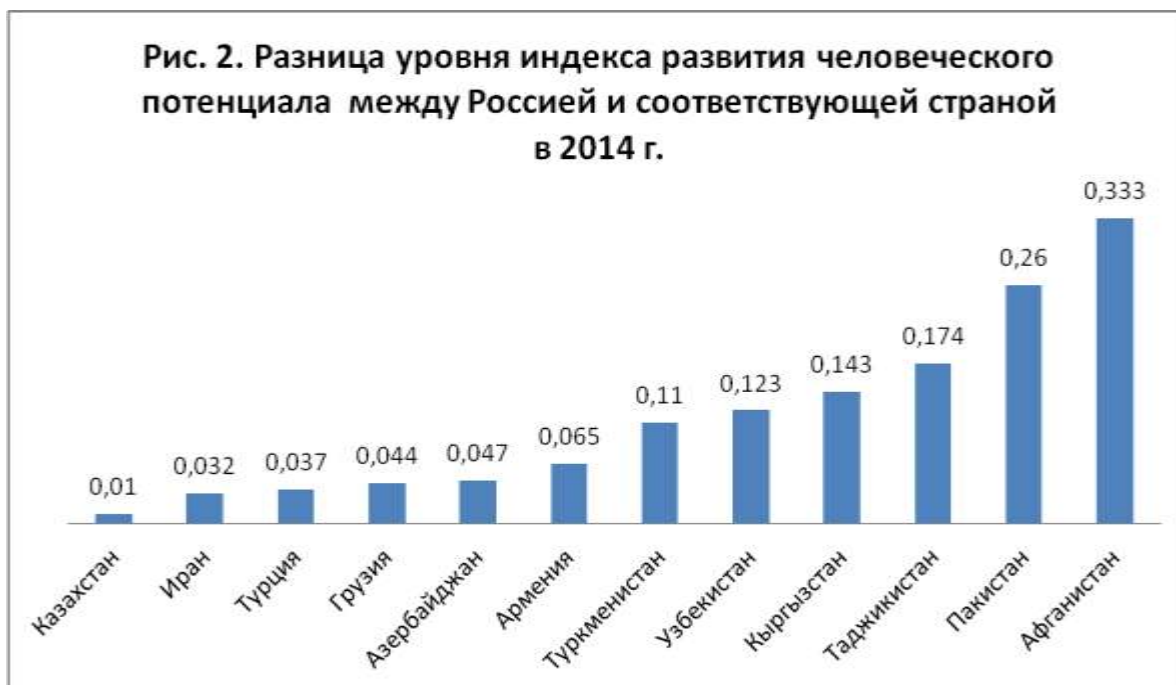
Те 12 стран, которые представлены на рис. 2, можно разбить на три группы. Первая: Казахстан, Иран, Турция и государства Закавказья. Вторая: страны Центральной Азии. Третья: Пакистан и Афганистан.

Рис. 1. Разница уровня индекса развития человеческого потенциала между Россией и соответствующей страной в 1990 г. и 2014 г.

Ист.: рассчитано и построено автором по «Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития». UNDP, New York, USA, 2014. Приложение, табл. 2.

Рис. 2. Разница уровня индекса развития человеческого потенциала между Россией и соответствующей страной в 2014 г.

Ист.: рассчитано и построено автором по «Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития». UNDP, New York, USA, 2014. Приложение, табл. 1.

В первой группе находятся государства, которые успешно догоняют Россию по уровню развития человеческого потенциала, демонстрируя успехи как в экономике, так и в развитии социальной сферы (Казахстан, Иран, Турция) или сохраняя потенциал, приобретенный еще во времена СССР (Грузия, Азербайджан, Армения). Во второй группе находятся основные поставщики иностранной рабочей силы в РФ. В третьей группе находятся страны, принадлежащие к беднейшим в Азии и мире в целом. С учетом их демографического потенциала и возможностей транзита иммигрантов из этих стран через Центральную Азию нужно отметить, что они могут стать поставщиками иммигрантов для более обеспеченных стран региона, включая Россию.

Андреев Л. (ИСАА МГУ)

Перспективы финансовой системы Ирана в условиях отмены санкций

Иранская финансовая система требует значительных перемен и реформ. Она далека от передовых образцов современных систем. Для более эффективной работы национальной финансовой системы Ирану в самое ближайшее время предстоит приложить значительные усилия по её совершенствованию.

Прошедшие в феврале 2016 года выборы в Собрание исламского совета (парламент) отчетливо показали настрой иранского общества на преобразования, поскольку большую часть мест в новом составе получили реформаторы. Это означает, что линия на развитие взаимодействия Ирана с мировой экономикой будет продолжена.

Положительный эффект для финансовой системы от отмены части международных и односторонних санкций в отношении Ирана не проявится быстро. Это связано с тем, что не все игроки готовы принять риски, которые могут возникнуть при нарушении ещё действующих ограничений, введённых по мотивам нарушения прав человека в ИРИ и испытаний баллистических ракет. Кроме того, в условиях низких цен на углеводороды и зависимости от них всей экономики Ирана увеличение поступлений от продажи энергоносителей может не принести ожидаемых сверхдоходов для государства и экономических агентов. В результате недофинансирования замедлятся темпы перехода к более диверсифицированной модели экономики, в которой финансовая система могла бы играть более заметную роль, чем ныне.

В ближайшие годы на финансовый сектор экономики Ирана в наибольшей мере будет оказывать влияние реализация СВПД и отмена экономических санкций. Эта мера приведёт в страну игроков из наиболее развитых стран, которые принесут с собой новые технологии, принципы работы и капиталы. Новые экономические операторы помогут создать дополнительную конкуренцию в иранской экономике и разбавить своим присутствием высококонцентрированные рынки.

Ключевые направления экономической политики в среднесрочной перспективе будут определяться положениями Шестого пятилетнего плана. Этот документ предусматривает активное развитие финансового рынка и его инструментов с привлечением к сотрудничеству партнёров из других стран.

Имеющиеся к настоящему моменту проблемы финансовой системы будут требовать решения и проведения необходимых преобразований. Новый реформаторский парламент будет продолжать усовершенствование финансового сектора.

Результатом воздействия этих факторов должны стать увеличение эффективности финансовой системы Ирана, выраженное в снижении процентных ставок и интенсификации инвестирования, и ускоренный рост ВВП. В то же время нельзя полностью исключить возможность появления в предстоящие годы таких негативных для иранской экономики факторов как новое ужесточение санкционного режима, повышение волатильности финансовых рынков в результате действий крупных игроков, а также ухудшение состояния мировой экономики.

Белокреницкий В.Я.

Исламский мир на исторических рубежах России: геодемография XIX-XXI вв.

Тезисы.

Историчность исторических рубежей. Возникновение в Российском государстве мусульманского ареала, его «выход» на мусульманскую Евразию.

Увеличение населения Российской империи в XIX в., особенно быстрое со второй его половины.

Население мусульманского мира в XVIII-XIX вв. Спад и медленный подъем демографического потенциала Османской империи, Персии, Афганистана и северо-западных, мусульманских областей Индостана.

Направление в перемещении народонаселения в Евразии во второй половине XIX в – начале XX в. (до Первой мировой войны).

Мирная пауза и Вторая мировая война.

Восстановительный период. Достижения в медицине и здравоохранении.

Демографический взрыв, исламская популяционная бомба.

Противоположное по направленности движение населения в конце XX – начале XXI в.

Мусульманское население на рубежах современной России, тенденции его роста, возможные проблемы и решения.

Табл.1. Население современной и исторической России и мусульманского мира.
в млн.чел.

Годы (1)	Россия (РФ) (2)	Российская имп./СССР (3)	Мусульм.мир (4)	Соотношение (2)/(4) по в.п.
1700	11-16	14-20	85-103	0.16
1750	14-21	17-26	94-109	0.19
1800	17-27	26-42	108-124	0.22
1850	33-42	56-70	131-151	0.28
1900	69-70	135-139	181-210	0.34
1950	101-102	180-181	330-352	0.29
2000	143-146	-	1247- 1344	0.11
2010	144-148	-	1500- 1570	0.09

Оценки автора на базе различных источников

Табл. 2. Население исторической России (империя, СССР) и мусульманского ареала к югу от нее (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, северо-запад Индостана), млн.чел.

Годы	Российская империя /СССР	Мусульманский ареал	Соотношение
1900	137	45.3	3.0
1930	165	56.4	2.9
1960	190	113.1	1.7
1990	292	243.7	1.2

Оценки автора на базе различных источников.

Табл.3. Население современной России и мусульманских стран к югу от ее границ. (млн.чел).

Годы	Россия	Турция	Иран	Афганистан	Пакистан	Весь ареал	Соотнош.
1900	71.1	11.9	9.9	3.7	19.8	45.3	1.6
1930	98.1	14.4	12.6	6.3	23.1	56.4	1.7
1960	119.0	27.8	21.5	13.8	50.0	113.1	1.05
1990	148.0	56.5	59.0	16.1	112.1	243.7	0.6
2020	142.9	83.4	106.7	46.1	224.8	461.0	0.3
2050	128.6	103.7	110.3	57.8	260.2	532.0	0.2

Оценки ООН 2015; 1999/2002 “populstat” site: Jan Lehmeyer.

Табл.4. Население мусульманской Центральной Евразии (млн.чел.)

Годы	Азерб.	Туркмен.	Казахст.	Узбек.	Тадж.	Кыргыз.	Итого
1960	3.9	1.6	10.0	8.8	2.1.	2.2.	28.6
1990	7.2	3.7	16.5	20.5	5.3	4.4	57.6
2020	10.2	5.7	18.6	31.8	9.4	6.4	82.1
2050	10.9	6.5	22.5	37.1	14.3	8.3	99.6

Оценки ООН 2015 г.

Табл. 5. Население России и мусульманской Евразии (млн.чел.)

	Россия	Евразия	Соотношение
Годы			
1900	71.1	-	-
1930	98.1	-	-
1960	119.9	28.6	4.2
1990	147.6	57.6	2.6
2020	142.9	82.1	1.7
2050	128.6	99.6	1.3

Оценки ООН 2015 г.

Болдырев А.В.

Эхо крымской войны в российско-турецких отношениях (вторая половина 50-х – 60-е гг. XIX века)

После Крымской войны внешнеполитическая линия России определялась стремлением освободиться от ограничительных статей Парижского трактата. Отношения с Турцией зависели от той политики, которую османское правительство проводило в черноморском регионе. Это касалось прежде всего черноморского побережья Кавказа, где противоречия между Россией и Османской империей проявились с наибольшей остротой. В России прочеркесскую политику Турции расценивали как одну из главных причин затянувшейся Кавказской войны. Усугубляло положение и поддерживаемая Турцией черноморская работорговля.

Военно-политический аспект преобладал в российско-турецких отношениях. Этому не мог помешать и рост внешнеэкономических связей двух стран, чему в немалой степени способствовала нейтрализация Черного моря, а также тот факт, что Османская империя не меньше, чем Россия, страдала от политики европейских держав. Ослабление международного влияния России диктовало последней необходимость использовать все средства для восстановления подорванного престижа и отмены нейтрализации Черного моря. Все это противоречило интересам Османской империи, заинтересованной в сохранении ограничительных статей Парижского трактата и поддержании статус-кво в своих балканских владениях. Тем самым исключалась возможность возникновения устойчивой тенденции на российско-турецкое сближение.

Таким образом, во второй половине 50-х – 60-е гг. XIX века черноморская проблематика была определяющей в отношениях Росси и Османской империи, отеснив на второй план традиционное балканское направление. Особенность российско-турецких отношений в это время состояла в том, что, декларируя поддержание дружественных отношений, обе империи преследовали противоположные цели. В результате Османская империя рассматривалась как один из гарантов порядка, ущемляющего достоинство и престиж России как великой державы. В немалой степени этому способствовало и традиционно негативное отношение к Турции.

Вородин Д.А. (Санкт-Петербургский Университет)

Вородин Дмитрий Алексеевич, аспирант кафедры международных политических процессов факультета политологии СПбГУ, gladiator41@yandex.ru

Курдский вопрос в 1918–1926 гг.: распад Османской империи и раздел этнического Курдистана

Актуальность исследований проблемы самоопределения курдов неоспорима, поскольку курды являются одними из ключевых участников политических процессов на Ближнем Востоке в XXI в.

Судьбоносными для курдов событиями явились распад Османской империи и появление на ее обломках новых государств. Формирование Британией и Францией политической карты Ближнего Востока при игнорировании его этнической карты породило большое количество конфликтов, остающихся неурегулированными в XXI в.

Демонтаж Османской империи был проведен в 1918–1923 гг. в соответствии с дипломатическими актами, первым из которых было соглашение Сайкса–Пико 1916 г. о разделе азиатских территорий Османской империи.

Выразителем интересов курдов было созданное в 1918 г. Общество возрождения Курдистана во главе с Сеитом Абдулкадыром. Курды рассчитывали на содействие британцев в деле обретения автономии или независимости и отвергали призыв Мустафы Кемалю сражаться против оккупационных сил совместно с турками. Британцы рассчитывали использовать антитурецкие выступления курдов для дестабилизации обстановки в Закавказских республиках и обещали курдам «независимость» в виде создания буферного государства под протекторатом Британии в качестве плацдарма для боевых действий против Советской России.

В 1920 г. между султанским правительством и странами-победительницами был подписан Севрский мирный договор. Территории современных Сирии и Ливана перешли под мандат Франции. Месопотамия отошла к Британии, образовав подмандатное королевство Ирак. Предусматривалось установление в пределах Турции курдских автономных областей, возможность обращения курдов в Совет Лиги Наций с требованием предоставления им независимости от Турции. Нефтеносный район Мосула должен был быть присоединен к независимому курдскому государству. Отныне международное значение курдской проблемы не вызывало сомнений.

Пользуясь условиями Севрского договора, Махмуд Барзанджи, лидер восстания 1919 г., объявил себя королем Курдистана в 1922 г. Это непризнанное государство со столицей в Сулеймании просуществовало до 1924 г.

Однако Севрский договор не вступил в силу, так как Великое национальное собрание Турции отказалось его ратифицировать. Юридически он перестал действовать после пересмотра его условий на Лозаннской конференции 1923 г., по итогам которой был подписан одноименный мирный договор, закрепивший окончательный распад Османской империи и установивший новые границы Турции, существующие до настоящего времени. На момент подписания договора оставался нерешенным вопрос границы с Ираком. Основной проблемой была принадлежность Мосула.

Кемаль был полон решимости удержать Курдистан за Турцией. Но если восстание шейха Саида в 1925 г. подавить удалось, то для противостояния Британии сил не хватило. По решению Совета Лиги Наций Мосул остался за британским мандатом, и 5 июня 1926 г. Турция согласилась с этим. С идеей независимого Курдистана было покончено – и фактически, и юридически.

Таким образом, курдский этнос, до Первой мировой войны проживавший на территории Османской империи и Ирана, оказался раздроблен сразу на четыре части, принадлежащие Турции, Сирии, Ираку и Ирану. В настоящее время, несмотря на отдельные успехи, борьба курдов за самоопределение, ведущаяся много десятилетий, далека от завершения.

Дауров Р.Д.

Афганистан – декада трансформаций 2014-2024

2014 год войдет в историю Афганистана как начало «декады трансформаций 2014-2024» после завершения очередной иностранной интервенции и перехода от внешнего управления к государственной самостоятельности. В 2016 году ситуация в стране по-прежнему характеризуется двойственностью в сфере внутренней политики и экономики, а в сфере безопасности – неопределенностью ввиду продолжения вооруженного противостояния между оппозицией и центральной властью. Решительного изменения баланса сил не наблюдается, центральное правительство пока еще не способно выполнять свои основные социальные функции по обеспечению безопасности населения и улучшению его экономического положения.

Главными факторами стабильности Афганистана остаются продолжение внешнего финансирования, воздушная и наземная поддержка операций афганских сил безопасности с оставшихся на его территории военных баз США, благоприятная для правительства страны международная среда и рост активности Китая, Индии, России, Ирана и стран Центральной Азии.

Вместе с тем, несмотря на усилия международного сообщества в рамках прежних и новых форматов решения афганской проблемы, выработку новых проектов и программ, ситуация в Афганистане приобрела характер долговременной неопределенности, осложняемой кризисными явлениями международной жизни, прежде всего беспрецедентной активностью исламистских сил, оказывающих влияние не только на Афганистан и примыкающий к нему регион, но и на значительную часть всего мирового пространства.

К списку давних угроз, исходящих из Афганистана (трансграничное распространение нестабильности, вооруженного насилия и экстремизма, увеличение потока афганских наркотиков и беженцев) добавились новая, пока неявная, но крайне опасная – превращение севера Афганистана и пуштунского ареала в опорную базу джихадистов с весьма вероятной возможностью формирования коалиции со сторонниками создания «Халифата Хоросан», который предполагает включение в себя не только Афганистан, но и часть прилегающих территорий соседнего Пакистана, Ирана, Таджикистана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, а в долгосрочной перспективе и части Синьцзяна и Кашмира.

Усиление давления на террористическую организацию ИГ и даже ее полный разгром на территории Сирии и Ирака вряд ли приведет к устранению причин, вызвавших рост религиозного и политического экстремизма джихадистов, будь то

афганские моджахеды и их наследники талибы или Аль-Каеды и ее наследников игиловцев.

Продолжающийся по всему мусульманскому миру процесс религиозной фрагментации и разделение на этно-конфессиональные общины, усиление экономической и социальной депривации в полной мере проявляется в Афганистане.

Что касается собственно афганской ситуации в ее внутри- и внешнеполитическом измерении, то с историко-политологической точки зрения, по крайней мере, с момента, когда Афганистан становится объектом экспансии великих держав, то есть с конца 1830-х гг., она характеризуется формулой «клиентского» режима, зависимо от внешних сил, ограниченного в своих возможностях и полномочиях, но представляющего хотя бы часть автохтонных политических и социальных сил, включая их коалиции, а также конфликтные дуальные и множественные образования «власть-оппозиция», и пр.

Несмотря на героизацию первой англо-афганской войны конца 1830-х – начала 1840-х гг. и акцентирование на немногих благоприятных для афганцев эпизодах второго англо-афганского конфликта конца 1870-х – начала 1880-х гг., фактически и юридически превратившего Афганистан в британский протекторат, именно альянс местного правителя с внешними силами, субсидируемого и контролируемого ими, становится своеобразной матрицей политического развития и управления Афганистаном.

Попытки изменить этот механизм властвования, предпринятые Амануллаханом, мусахибами и Мухаммадом Даудом, были кратковременны и приводили либо к гражданской войне, либо установлению семейно-олигархического и авторитарного режима, что вкупе с подспудным расколом пуштунской элиты приводило к кризисам, переворотам и иностранному вмешательству, даже интервенциям. Так было в 1979 и 2001 гг., хотя фактических эпизодов внешнего вмешательства гораздо больше, и оно до сих пор остается важным фактором внутривнутриполитического развития и международного положения Афганистана.

Международное сообщество, в том числе экспертные круги, неоднократно ставило вопрос об исторической ответственности самих афганцев за судьбу их родины, но уже многократно сменившиеся афганские власти и общество предпочитают играть исключительно роль пострадавшей стороны.

Многочисленные ссылки на особое уязвимое геополитическое положение, особый же интерес ведущих держав к Афганистану и влиянию в нем затмевают факты начальной истории афганского государства – империи Дуррани, владения которой к концу XVIII в. простирались на востоке до Дели, а его тогдашние правители планировали схватку с крупнейшим современным им государством Азии – Цинской империей!

Эти планы не сбылись, но афганцы научились извлекать выгоду из своего географического и иного положения – например, в годы первой мировой войны их нейтралитет поддерживался в основном британской субсидией и внешнеполитическим режимом, близким к суверенитету.

Сегодня можно определенно утверждать, что неблагополучие и конфликтность целого государства, да еще такого, как Афганистан, находящегося на культурно-цивилизационных и торгово-экономических перекрестках – своеобразный товар, хотя дивиденды от его реализации не становятся общенациональным достоянием.

В квази-экономику (наркопроизводство и сбыт наркотиков, контрабанда товаров, оружия и пр.) и столь же сомнительную социальную политику вовлекаются целые общественные слои и профессиональные группы, причем это происходит не только в самом Афганистане, но и вокруг него. Так, на конфликте и войне выросли целые мегаполисы (Пешавар в Пакистане и др.), массовые НПО и ООНовские структуры породили в афгано-пакистанском приграничье специализированные, хотя и не долговечные, рынки труда и занятости.

На основе внешней помощи и других, в том числе нелегальных источников, в Афганистане функционируют некоторые государственные структуры, выстраивается лоббизм и принимаются важнейшие решения. Примерно так же достигается лояльность сопредельных государств

Длительность и многосторонность афганского конфликта породили не только беспрецедентную степень адаптации общества и государства к чрезвычайным формам социально-экономической жизни, управления и т.д., но и вариативность этих форм – от массовой криминализации и милитаризации до имитации трудностей военного времени. На это обстоятельство давно обратили внимание международные агентства по оказанию помощи беженцам и перемещенным лицам, специализированные учреждения по их приему и обустройству в зарубежных странах, в том числе в Европе и России. Между тем, афганский конфликт не является непрерывным или всеобъемлющим – для него характерны сезонные и региональные обострения, а для отдельных зон – фактическое длительное умиротворение (пример – Герат с его уникальным природно-культурным ландшафтом и др.).

И все же конфликтность уже многие годы является характерной чертой афганского социума и политического организма. Значительным, причем внешним, импульсом для нее стала активизация радикализма и экстремизма в значительной части государств мусульманского мира.

И если в первой половине XX в., и даже до 1970-х гг. радикалы-исламисты действовали в качестве оппозиционных (подпольных, эмигрантских и пр.) движений и групп, то в последней трети XX в. они уже ставили вопрос о власти и

достигали ее, в основном, установлением теократического режима, как это случилось в Афганистане в середине 1990-х гг.

В результате Афганистан из страны с вполне либеральным по сути, и авторитарным по форме режимом, имеющей слабые институциональные и идейно-теологические связи с основными религиозными центрами и организациями исламского мира, превратился в оплот фундаментализма и даже государственного экстремизма, хотя надо признать, что социально-политический облик, лидерский состав и массовая база движения талибан на раннем этапе его существования заметно отличается своим нынешним «портретом» и «портфелем», хотя «новые» талибы являются идейно-политическими наследниками кандагарской шуры и кабульского кабинета образца 1996-2001 гг.

Большую роль в радикализации и исламизации афганской молодежи сыграл Пакистан – превращенный усилиями Запада и консервативных режимов Арабского Востока в прифронтовое государство, изнывающий от притока 3 млн. афганских беженцев.

Пакистанский режим с его традиционным дирижизмом военной верхушки оказался в социально-экономической, демографической и геополитической ловушке собственной политики выживания «проектного» государства и антисоветских маневров Запада. Кроме того, особые исторические обстоятельства, этнические и конфессиональные особенности северо-запада бывшей Британской Индии сформировали здесь агрессивную и маргинальную социально-политическую среду, которая не только благоприятствовала зарождению движения афганских талибов, но еще более способствовала распространению и укоренению местной религиозной ортодоксии, вылившейся на исходе первого десятилетия XXI в. в попытки установления халифатского правления в области Свата.

Во второй половине 2010-х гг. экстремистский религиозно-политический ландшафт Афганистана, и прежде его северные и восточные районы, пополняется группами и практиками так называемого Исламского государства Ирака и Леванта (ДАИШ). Пока это движение с его панисламистскими лозунгами и сомнительной религиозностью воспринимается, как чуждое и рядовым афганцам, и доминантным группировкам оппозиции, а уж тем более власти. Но история зарождения в Афганистане самых необычных и неожиданных альянсов (Исламское движение Узбекистана и талибы, Дустум и пуштуны, и т.д.) доказывает, что оппортунизм, как свойство жизнеспособности и одновременно особенность политической культуры – глубоко укорененная, почти генетическая черта большинства афганцев, более присущая им, чем даже такой по отношению к «неверным».

Помимо бегло упомянутых выше факторов конфликтности и радикализма, влияющих на афганский социум и политическую жизнь страны, существует некий

домашний, многомерный и постоянно воспроизводящийся «модуль конфликтности». Его основными параметрами являются персональный уровень/срез, будь то личная вражда, профессионально-социальная конкуренция или другие противоречия (фактический правитель Афганистана 1930-хъ – 1940-х гг. премьер-министр Хашим-хан знал лично многие тысячи своих соотечественников, и не попавшим в его политико-управленческий профиль приходилось нелегко).

Имеют принципиальное значение и межклановые/внутриклановые отношения между социально-профессиональными и статусными группами, территориально-земляческая лояльность, а также этничность. При всех прочих моментах именно эти линии укрепляют или, напротив, «разрыхляют» политические партии и группировки, другие функциональные команды, включая низовые управленческие и бизнес-структуры, и кончая правительством.

Именно персональное и другие несовпадения обусловили незатихающие расхождения между Ашрафом Гани и Абдуллой Абдуллой, а значит, они же вносят разноту в работу президентской ветви власти и ее высшего исполнительского звена.

Конечно, все эти моменты давно известны и политико-управленческой традиции Афганистана, и прикладной афганистике, но их новые конфигурации должны в полной мере учитываться в исследовательской работе профильных учреждений и дипломатической практике МИД РФ и его подразделений.

Емельянова Н. М. (РГГУ, ИРИ РАН)

Движение Ф.Гюлена «Хизмет»: судебные процессы 2016 г. В Турции

15 июля 2016 года, в связи с неудавшимся переворотом в Турции, в международных СМИ стало чуть ли не ежедневно появляться имя Фетхуллы Гюлена – лидера движения «Хизмет» («Служение»), религиозного проповедника и политического оппонента президента Р.-Т. Эрдогана. В Турции в отношении Ф.Гюлена и представителей «Хизмет» были начаты многочисленные судебные процессы. Тем не менее, до декабря 2013 года Ф. Гюлен был ближайшим союзником турецкой власти, пользовался самыми широкими полномочиями и привилегиями как в стране, так и за рубежом. По всей Турции и во многих зарубежных странах открывались турецкие школы, патронируемые движением Ф. Гюлена. Особым вниманием при этом пользовались постсоветские страны – Россия, республики Средней Азии и Закавказья, Белоруссия, Украина, Молдова.

Однако декабре 2013 года во время громкого «коррупционного скандала» прозвучали обвинения в адрес высокопоставленных чиновников турецкого правительства, включая членов семьи Эрдогана. Инициатором обвинений выступили входящие структурно в «Хизмет» представители судебных органов власти, после чего отношение к движению Гюлена в Турции и за рубежом начало коренным образом меняться. Через некоторое время «Хизмет» предъявили обвинение в создании «параллельных» политических структур, а после попытки военного переворота 15 июля 2016 года движение получило название «Террористической организации Фетхуллы Гюлена» (FETÖ).

В целом можно выделить четыре основных этапа в развитии движения:

1. 1966 – 1986 – период становления;
2. 1986-1996 – турецкий период подъема и выход на мировую арену;
3. Начиная с 1996 – американский период.
4. С декабря 2013 по настоящее время – от «коррупционного скандала» до объявления «Хизмет» террористической организацией.

Турецкая республика формировалась как светское государство. Основы регулирования отношения государства и религии были заложены основателем Турецкой Республики Мустафой Пашой Кемалем Ататюрком. В 1920-х был провозглашен светский характер государства, с 1930-х религия была едва ли не под запретом. Религиозное образование осуществлялось, по большей части, в домашних условиях и тайно. В связи с отсутствием официальных служителей культа все большей популярностью в народной среде стали пользоваться религиозные тарикаты, относящиеся к той или иной ветви суфизма, и общинные объединения – джамааты.

1930-40-е годы в Турции считаются временем «однопартийного менталитета». В это время изучение Корана было под запретом. Азан в мечетях мог читаться только по-турецки, читавшие азан по-арабски подвергались наказаниям. Как говорят некоторые исследователи, с этого времени и до начала 1960-х выросло целое поколение, «не слышавшее звуков азана»¹. Но традиционное общество не могло отказаться от основ своей жизни, продолжая исполнять религиозные обряды и предписания втайне.

В период однопартийной системы (1923-1945), правительство активно вводило светские школы, особенно для того, чтобы продвинуть вперед население сельских местностей. Это было частью национальной политики. В борьбе за ликвидацию безграмотности, распространялась программа образовательных учреждений в деревнях, которые повысили бы процент грамотного населения. Широкое распространение этих инициатив было приостановлено, когда на выборах в 1950 году одержала победу Демократическая партия. В 1949 году был создан теологический факультет в Университете Анкары. После победы на выборах в 1959 году, Демократическая партия заметно расширила религиозное образование, меняя таким образом секулярные принципы кемалистского государства².

Фетхулла Гюлена относят к последователям идей Саида Нурси (1871-1960), именуемых современными исследователями «нурджизмом». Исламоведы сходятся в мнении, что особенностью нурджизма является то, что он предлагает слияние норм шариата с идеями модернизма. Нурджизм считает незаконными реформы М.К.Ататюрка, поскольку они противоречат исламу. На начальном этапе Гюлен возьмет многое из идей нурсистов, однако впоследствии постарается дистанцироваться от них, чтобы идти собственным путем.

В 2016 году организация Гюлена всесторонне изучалась правоохранительными органами страны. Генеральная прокуратура Анкары, на основании допросов сотен подозреваемых, сделала всеобъемлющий вывод по деятельности организации в разные периоды ее существования³. В заключении Генпрокуратуры сделан вывод о том, что после 1970-х государство само установило тесные отношения с политизированными исламскими кругами, потворствуя им, и движение Фетхуллы Гюлена стало закономерным продуктом этой политики.

1. Şemsinur Özdemir. Hoca anne ve ailesi. İstanbul, 2014. S. 65.
2. Fortna, Benjamin C. Imperial Classroom: Islam, the State and Education in the Late Ottoman Empire. Oxford: Oxford University Press, 2002;
<http://www.enjoyturkey.com/info/facts/Education.htm>
3. FETÖ'nün "çatı iddianamesi" mahkemeye gönderildi (4). – Электронный ресурс. – Режим доступа <http://www.bugun.com.tr/gundem/fetonun-cati-iddianamesi-mahkemeye-gonderildi-2105717.html>

Иванова И.И.

Балканская политика Турции

После падения в XV веке Византийской империи весь Балканский полуостров принадлежал Османской империи, и даже в начале XX века султанская власть простиралась до Адриатики, поэтому в Турции живы воспоминания о прежнем геополитическом господстве, она традиционно рассматривает страны региона как сферу своих непосредственных интересов. В 90-е годы после распада Югославии события на Балканах продемонстрировали, какие глубокие проблемы присущи странам этого региона. И в этой связи представляется актуальным рассмотреть характер взаимоотношений стран региона с Турцией, претендующей в последние годы на роль региональной сверхдержавы и поддерживаемой в этих устремлениях США. Можно выделить три основных периода политики Турции на Балканах с 1990 г. до настоящего времени. Первый период – 1990-1998 гг., когда на Балканах шла война и Турция совместно с США и ЕС стремилась проводить политику, направленную на достижение Балканами стабильности.

Второй период – 1999-2002 гг., когда начинается новый период и появляется реальия Косово. Поддержка Турцией военной интервенции стала результатом внешнего и внутреннего давления. За внешним давлением стояли США, за внутренним – усиление исламистских настроений в Турции.

Основные перемены наступили с 2003 г., причем активизация балканской политики Турции можно рассматривать в рамках следующих аспектов: социального, политического, экономического и религиозного.

Активизировались и военно-политические контакты со странами региона, причем основным направлением является вовлечение балканских стран в программы НАТО, выработка общей стратегии действий в регионе и реорганизация местных вооруженных сил по стандартам НАТО с участием турецких инструкторов.

Каменев С.Н.

Пакистан на исторических рубежах России: проблемы и перспективы развития отношений в регионе

Представляется целесообразным сосредоточиться на геополитических факторах, влияющих и напрямую, и опосредованно на российско-пакистанские отношения.

Здесь необходимо принимать во внимание важное географическое положение Пакистана, в особенности его стратегическое положение на стыке регионов Южной Азии, Центральной Азии, Дальнего Востока. В первую очередь нужно учитывать его сложные уже в течение многих десятилетий отношения с Индией, а это напрямую влияет на треугольник взаимоотношений Пакистан-Россия, Пакистан-Индия, Индия-Россия. Кроме того, приходится учитывать, что и Пакистан, и Индия являются ядерными державами, имеют примерно по 100-120 ядерных боеголовок, а также обладают средствами их доставки в радиусе до 2.5 тыс. км и не присоединились к ДНЯО.

В полной мере необходим учет нынешнего состояния Пакистана с США, которые в последние годы находятся в сложном положении. И здесь нужно принимать во внимание санкции, наложенные североамериканскими государствами и Евросоюзом на Россию, в частности, на корпорацию «Ростех-Глобальные ресурсы». Именно эта компания занимается реализацией масштабного российско-пакистанского проекта – сооружение газопровода Карачи-Лахор. И Пакистану, и России приходится думать о том, как выйти из непростого положения с финансированием этого трубопровода.

Наконец, необходимо учитывать растущее влияние Китая на экономическое развитие Пакистана, значительные инвестиции на сооружение многопрофильного проекта «Китайско-пакистанский экономический коридор», которые достигли уже 55 млрд. долл. Это позволило Китаю занять лидирующее положение не только во внешнеэкономических связях Пакистана, но и существенно влиять на его внешнюю политику.

Надо также принимать во внимание афганскую проблему и сложные отношения Пакистана и Афганистана, и в этой связи весьма важным является сотрудничество России и Пакистана в совместной борьбе с терроризмом, что уже осуществляется на практике. Нельзя сбрасывать со счетов негативное воздействие, которое оказывает на национальное хозяйство Пакистана (в первую очередь в его северо-западной части) наличие почти 2 млн. афганских беженцев, не желающих в основной своей массе возвращаться в Афганистан.

Косач Г.Г. (РГГУ)

«Видение: 2030»: Саудовские реформы

В политической жизни Саудовской Аравии произошли значительные изменения. Приход к власти в январе 2015 г. Сальмана бен Абдель Азиза приблизил завершение трансформации династии, создав условия для перехода власти к внукам короля-основателя Ибн Сауда. Правящая династия обрела черты корпоративного сообщества, объединенного задачей сохранения власти. В рамках этого сообщества возникло «ядро» – фракции «старших» принцев-«мажоритариев», объединяющие сыновей нынешнего короля и его брата (бывшего министра внутренних дел и наследника престола) принца Наефа бен Абдель Азиза, как и сыновей Абдаллы бен Абдель Азиза. Статус этих кланов закреплён ролью их глав в системе государственного управления.

Укрепление позиций Сальмана бен Абдель Азиза в рамках «ядра» династии определило успех карьеры его сына – принца Мухаммеда бен Сальмана. Речь, однако, не шла о карьере, связанной с отношениями родства. Источником модернизационных изменений в Саудовской Аравии (как в прошлом, так и в настоящем) выступало государство, представленное той или иной находящейся у власти фракцией династии. Уровень и глубина этих изменений определялась не только личными качествами и пристрастиями монарха, но и тем, в какой мере участником осуществляемых преобразований выступал «образованный класс» – важнейший итог развития времени «нефтяной эры». Идея диверсификация экономики – требование «либеральных» сторонников династии, актуализированное в эпоху «арабской весны». Оно выдвигалось в широком контексте – расширение числа участников принятия политического решения, поощрение ненефтяного сектора и увеличение доли частного предпринимательства в ВВП. «Видение: 2030» – государственное оформление этого требования.

25 апреля 2016 г. возглавляемый королем Сальманом бен Абдель Азизом саудовский кабинет министров, обсудив представленную заместителем наследника престола и главой Совета по экономике и развитию принцем Мухаммедом бен Сальманом программу «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030» («Видение: 2030»), одобрил этот документ. Обращаясь по этому поводу к гражданам, монарх говорил: «Мы поручили Совету по экономике и развитию разработать программу развития королевства, позволяющую стране стать такой, какой мы хотим ее видеть – образцом для всего мира». Приняв 6 июня 2016 г. программу первого этапа реализации «Видения: 2030» – «Национальный поворот: 2020», вновь представленную принцем, кабинет министров оформил законодательную базу нынешнего этапа саудовских реформ.

Программа «Видение: 2030», не несущая в себе каких-либо предпосылок политических изменений, принята в то время, когда саудовская экономика столкнулась с серьезными трудностями, определяемыми снижением цен на энергоносители, - бюджет 2016 г. дефицитен, реальностью стало повышение внутренних цен на бензин, газ, воду и электроэнергию, как и начавшаяся оптимизация государственных расходов. Вместе с тем, сложившаяся ситуация рассматривается политическим истеблишментом как повод для радикальной социально-экономической трансформации. Основные параметры «Видение: 2030» – сотрудничество с частным предпринимательством, включая и иностранное, развитие малых и средних предприятий, отказ от политики экономического дирижизма и открытие страны для иностранных инвестиций. Снижая значение опоры на нефть и заявляя о необходимости диверсификации на базе развития ненефтяного сектора (сфера обслуживания, банки, горнодобывающая и обрабатывающая промышленность, туризм, восполняемая энергетика), саудовский политический истеблишмент ставил задачу превращения национальной экономики в «экономику инвестиций».

Содержащиеся в этой программе контрольные цифры выглядели как основанные на реалистической оценке хозяйственного потенциала и возможностей человеческого ресурса. «Видение: 2030» ставило вопрос о перемещении Саудовской Аравии с 25 места на место в первой десятке наиболее конкурентоспособных экономик мира. Составители программы считали возможным говорить об увеличении доли прямых иностранных инвестиций в ВВП страны к 2030 г. с 3,8 до 5,7%. По их мнению, Саудовская Аравия обладала реальной возможностью увеличить долю частного сектора в ВВП с 40 до 65%. Говоря об этом, они подчеркивали необходимость создания цифровой инфраструктуры, развитой ритейлерской сети и логистики. Строительство новых (и модернизация уже существующих) железных дорог, морских и воздушных портов провозглашалось приоритетом, - к 2030 г. Саудовская Аравия должна была подняться с 49 на 25 место в мире и на 1 место в региональном масштабе по логистической обеспеченности.

Реализация «Видения: 2030» потребует широких контактов с зарубежным бизнес-сообществом. В этой связи саудовский истеблишмент считал важным ориентироваться на традиционных стратегических союзников, - ими были, в первую очередь, Соединенные Штаты и Франция. Вместе с тем, в круг этого бизнес-сообщества включались и ведущие азиатские экономики – Китай и Япония.

Логинов В.Ю. (Торгово-промышленная палата РФ)

Туристическая отрасль Ирана и российско-иранские связи в области туризма» (экономический аспект)

«Иран - это золотоносная шахта, осталось только добыть сокровища»¹.

На недавней конференции Хафис Диалог в Веймере эксперт из Фонда имени Конрада Аденауэра заявил, что туризм в Иране в ближайшее 10 лет возрастет на 400% – с 5 до 20 млн. туристов, которые обменяют около 20 млрд. евро на ир. риалы.

Интерес к Ирану вызван не только его выходом из 35 лет изоляции. Мировые туроператоры подчеркивают редкое сочетание в Иране таких положительных факторов, как большое историческое и культурное наследие, гостеприимство, безопасность и низкие цены. Иран входит в десятку стран с наибольшим туристическим потенциалом. Здесь находится 19 объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО².

Туризм составил 7,6% от ВВП Ирана в 2015 году, в 2016 году правительство планирует достичь 9%³. Согласно неофициальным иранским данным, в 2013 году доходы Ирана от международного туризма были 6 — 6,5 млрд. долл. США⁴.

Туристическая индустрия ИРИ находится в начальной стадии развития. Международный туризм в Иране сталкивается с многочисленными трудностями, среди которых отсутствие достаточной инфраструктуры, отвечающей принятым стандартам, является главной проблемой. Многие международные операторы сравнивают ее состояние с туриндустрией периода 80-х в Турции или в СССР.

Осознавая указанные трудности, правительство президента Х. Рухани объявило туризм одним из приоритетных направлений экономики страны. Акцент делается на привлечении иностранных инвестиций в этот сектор. В этой связи согласно 6-му пятилетнему плану развития (до 2021 г.) запланировано строительство 300 новых отелей.

Главным исполнительным органом по вопросам туризма является организация по культурному наследию, ремесленной промышленности и туризму (یرگشدرگ و یتسد عیانص، یگنهرف ثاریم نامزاس), которой с октября с.г. руководит доктор Зохра Ахмадипур, одновременно занимающая пост вице-президента страны⁵. Непосредственно вопросами туризма ведает ее заместитель.

Чутко реагируя на рост туризма и деловых поездок в эту страну, глобальные туристические компании начали создавать в ИРИ свой плацдарм.

Пионером стала французская AccorHotels group, которая в октябре 2015 открыла путем создания акционерного общества с местными партнерами рядом с аэропортом Имама Хомейни свои фирменные гостиницы Novotel и Ibis.

Российско-иранское сотрудничество

6 февраля с.г. вступило в силу межправительственное соглашение об упрощении условий взаимных поездок отельных категорий граждан РФ и ИРИ, подписанное 23 ноября 2015 года в Тегеране по итогам российско-иранских переговоров. В рамках указанного соглашения 22 ноября с.г. по результатам 5-го заседания комиссии по вопросам консульского сотрудничества Ирана и России директорами консульских департаментов двух стран подписали предварительное соглашение об упрощении визового режима для туристических групп.

По данным посольства ИРИ, в 2014 г. эту страну посетило только 8,5 тыс. россиян. В то время как, по официальным данным Ростуризма, в Россию за 9 мес. 2015 г. приехало 33,67 тыс. граждан из ИРИ, которые заняли 13-ое место из всех иностранных туристов. В случае отмены виз для тур групп ожидается многократный рост прибытий из Ирана, до 60 т.человек в год.

Ростуризм и Ассоциация туроператоров России, испытывая различные проблемы на этом направлении, в т.ч. кадровые, не разработало пока четкую программу мер по организации работы с возрастающим потоком туристов из Ирана за исключением проекта Visit Russia, который предстоит еще наполнять. В тоже время мониторинг туркомпаний на направлении Иран-Россия показывает, что иранские фирмы, реагируя на рост спроса на поездки в Россию начиная с прошлого года, создали самостоятельную инфраструктуру по приему и организации пребывания своих граждан в РФ. И в настоящее время, как можно предположить, иранским туроператорам и аффилированным с ними структурам принадлежит значительная доля рынка туристических услуг в нашей стране.

1. <http://www.arabnews.com/node/992851/economy>
2. <http://whc.unesco.org/en/statesparties/ir,%20and%20its%20varied%20terrain%20ranges>
3. Kayhan 3.10.16 <http://kayhan.ir/en/news/31913/iran-offers-tax-breaks-to-boost-tourism>
4. <http://donya-e-eqtasad.com/news/1080721>
5. <http://www.ichto.ir/>

Лукоянов А.К.

Транспорт в развитии Прикаспийской зоны Ирана: порты Прикаспийской зоны и железные дороги страны

Порты Прикаспийской зоны Ирана. Руководство Исламской республики Иран (ИРИ) уделяет большое внимание развитию Прикаспийской зоне, которая связывает её с рынками Средней Азии, Кавказа, России и Европы.

К Прикаспийской зоне Ирана относятся три северные провинции страны: Гилян, Мазендеран и Голистан.

Через эти районы по Каспийскому морю осуществляется товарооборот между Ираном и соседними государствами, реэкспорт товаров, сотрудничество в сферах экономики, науки и культуры.

Иран предполагает максимально задействовать порты на побережье Каспия, которые являются звеньями международного транзитного коридора Север-Юг.

В провинции Гилян –Энзели и Астара; в провинции Мазендеран –Амирабад, Феридункенар, Ноушахр, Чалус; в провинции Голистан – Бандар-Торкаман, Бандар-Гяз. Наиболее крупные порты - Энзели (Анзели), Амирабад, Ноушахр, Нека.

Планируется создание еще трёх современных портов севернее г. Ленгеруд в рамках программы строительства 120 многоцелевых морских портов для дальнейшего развития прибрежных районов. На побережье Каспийского моря созданы специальные экономические зоны (СЭЗ) «Амирабад», «Энзели» и Особая экономическая зона (ОЭЗ) «Ноушахр». Президент ИРИ Хасан Рухани назвал СЭЗ и ОЭЗ основой экономического развития страны.

Порты Прикаспийской зоны Ирана имеют выход к Персидскому заливу через железные дороги Ирана.

Железные дороги Ирана. Руководство Ирана придаёт огромное значение развитию железнодорожного транспорта. Оно осуществляется согласно долгосрочным и пятилетним планам.

В 2008 г. руководство Ирана запланировало потратить около 25 млрд долларов на перспективное развитие железнодорожного строительства и увеличение протяжённости железных дорог в ближайшем будущем почти в 3 раза.

Снятие санкций с Ирана в 2016 году дало новый импульс развитию железнодорожного транспорта, т.к. был открыт доступ в Иран западному капиталу.

Экономика Ирана начинает набирать всё большие обороты. По прогнозам МВФ, рост ВВП Ирана в 2016 г. должен составить 4 %, что отразится и на дальнейших темпах развития железнодорожной сети.

Огромное значение Иран придаёт завершению строительства железной дороги в иранском Прикаспии, которая, через Азербайджан и Россию, свяжет Иран с железнодорожной сетью Европы.

В феврале 2016 г. в Тегеран прибыл первый поезд из Китая с транзитными грузами по Шелковому пути через территорию Казахстана и Туркменистана. Поезд доехал до Тегерана менее чем за 14 дней. Далее состав может направляться в Прикаспийскую зону Ирана для транспортировки грузов в Европу.

Перспективы развития железнодорожного транспорта ИРИ связаны с частным сектором, в руки которого постепенно передаются уже существующие линии, а также новые дороги, которые строятся на средства частного капитала.

Власти Ирана полагают, что это должно обеспечить успешное решение железнодорожного транспорта страны.

Транспортная политика Ирана ориентирована на развитие железнодорожной сети с учётом региональных особенностей страны.

Иран планирует создать именно современную железнодорожную систему, основанную на передовых технологиях, рассчитывая в этом на помощь прежде всего западных инвесторов и Китая, который является его главным торгово-экономическим партнёром.

Малышев А.И.

Малышев Александр Иванович – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, кандидат военных наук. 119136, г. Москва, Университетский проспект, 14. Тел.: +7 (916) 073-21-75.
E-mail: aleksmal001@gmail.com

Проблемы типологии современных войн и вооруженных конфликтов

Необходимость комплексного и системного исследования проблем типологии современных войн и вооружённых конфликтов вызвана тем фактом, что сущность и содержание современной вооруженной борьбы размыто и не имеет четких границ. Более того, сама природа вооруженного противоборства не логична и не поддается здравому смыслу, а её итогом становится так называемый «парадокс хаоса» и «бессилие силы». Это проявляется в том, что даже сверхмощные мировые державы, имеющие самые современные и высокотехнологичные армии в конечном итоге неизменно завершали военные действия, выводили свои войска из оккупированных территорий, уступая более слабому и плохо организованному противнику.

Насильственная демократия, марионеточные правительства, роспуск армий и силовых структур, бывшие антиправительственные «союзники» и «умеренная оппозиция», все это превращалось в источник новых, более опасных явлений, основанных на радикальных неофашистских, сепаратистских и террористических угрозах, что приводило к ещё большим человеческим жертвам, чем они были в активной фазе военной кампании. А феномен международного терроризма, порожденного войной, расползлся на другие регионы мира.

Так, только в одном 2010 г., когда в мире не велись активные военные действия, официально было зарегистрировано более 14,5 тыс. погибших на поле боя: в т. ч. в Афганистане – более 6300, Пакистане около 4600, Сомали – более 2100 и Ираке около 1500 человек.

Военные (вооруженные) конфликты между акторами международного права классифицируется, исходя из социальной направленности, целей, средств, количества погибших (жертв), интенсивности военных действий в течение календарного года и ***могут подразделяться на крупные или мелкие.***

В **зарубежных изданиях** категория **война** (war, warfare, arms, sword) обычно употребляется в качестве кризисной оценки состояния международных отношений и является подкатегорией для характеристики любого военного (вооружённого) конфликта.

Учитывая данный подход необходимо отметить:

во-первых, официальные американские источники (в т.ч. и Уставы Армии США FM 100-20) определяют возможность участия группировок войск (сил) в конфликтах только высокой и средней интенсивности;

во-вторых, при развязывании и в ходе военного конфликта военно-политическое руководство США и стран НАТО значительное внимание уделяет как традиционным (классическим), так и нетрадиционным (неоклассическим) действиям.

Традиционный характер вооружённой борьбы проявлялся тогда, когда в её основу положена так называемая стратегия «молниеносной войны», которая предусматривает достижение геополитических целей в кратчайшие сроки путем массированного применения сил и средств по критически важным объектам (целям) противника.

Нетрадиционной вооруженной борьбе присущи две новые концепции войны: на основе «управляемого хаоса» и асимметричных действий.

В начале XXI в. в США появилась очередная теория войны – стратегия «гибридных действий», которая сложилась в результате совмещения двух концепций традиционной и нетрадиционной войн. На первое место в такой борьбе выходят не сами военные действия, а так называемые протестные движения, «умеренная» оппозиции, которая затем перерастет в боевиков (фашистов) и террористов и т.д., что неизбежно приводит к полномасштабной вооружённой борьбе за власть внутри кризисного государства или ряда государств (пример «ИГИЛ»).

В современной **российской военно-исторической науке** подходы к войне могут иметь множественные основания, важнейшие из которых являются военно-политические (военно-стратегические) цели сторон в военном конфликте. Они могут быть: **захватнические** – угроза миру, нарушение мира или акт агрессии, под которыми понимается незаконная борьба за власть и/или за ресурсы; **освободительные** – защита от агрессии индивидуальная или коллективная; **миротворческие** – борьба за мир путём применения военной силы в качестве третьей (нейтральной) стороны в конфликте на основе мандата Совета Безопасности ООН (ОБСЕ, ОДКБ и иных международных и региональных организаций), или на основе международных договоров.

По ряду других показателей военные конфликты могут иметь и иные классификационные основания.

В современной войне основной формой противоборства является **вооруженная борьба**. Она же является важнейшим признаком, отличающим войну от мира.

Состояние войны определяется таким важнейшим условием, когда все имеющиеся людские и материальные ресурсы, духовный потенциал страны и военно-политическая инфраструктура задействованы в интересах войны в целом, а экономика страны полностью или частично переведена на военные рельсы. При непосредственной угрозе войны (агрессии) или ее объявлении на территории Российской Федерации или в отдельных местностях страны указом Президента РФ вводится военное положение и проводится всеобщая (частичная) мобилизация.

Что касается иных, не военных форм борьбы (политических, дипломатических, экономических, информационных, идеологических и др.) в защиту национальных интересов государства, то они ведутся во всех сферах его жизнедеятельности еще в мирное время. В ходе войны формы борьбы мирного времени обостряются, сопутствуют ей и являются ее «спутниками».

С учетом сказанного, можно констатировать следующие особенности современной войны: война возникает и ведется между государствами или их коалиционными военно-политическими союзами; основной формой противоборства сторон в войне является вооруженная борьба; с фактическим началом военных действий или в ходе вооруженной борьбы государства - участники военных действий должны переходить в особое состояние, отличное от мирного.

Если же в ходе вооруженной борьбы эти положения не выполняются, то можно утверждать, что противоборствующие стороны разрешают противоречия в ходе международного вооруженного конфликта.

В этой связи, предлагается следующее определение войны:

война - кризисное социально-политическое явление, представляющее собой особую форму разрешения межгосударственных противоречий, в ходе которой противоборствующие стороны, наряду с формами борьбы мирного времени, переходят к вооруженной борьбе и в состояние, отличное от мирного.

Именно с учетом вышеизложенного системного военно-исторического и правового подходов и следует рассматривать проблемы сути и типологии войн и вооруженных конфликтов конца XX – начала XXI века.

Масленникова Н.В. (МГИМО)

Анализ ядерной программы Пакистана: энергетические и военные аспекты

Настоящий доклад разделен автором на три части:

В первой части автор рассмотрит какими производственными возможностями обладает Пакистан на каждом этапе ядерного топливного цикла (ЯТЦ) и какие из этапов ЯТЦ являются наиболее опасными с точки зрения режима нераспространения ядерного оружия (ЯО). ИРП обладает всеми необходимыми мощностями, однако в технологическом плане в высокой степени зависим от КНР, испытывает нехватку собственных природных ресурсов. Импорт урана из-за рубежа для Пакистана сильно затруднен, так как он не подписывал ДНЯО, а, следовательно, страны-члены ГЯП не имеют юридического права поставлять в Пакистан ядерное сырье.

Вторая часть доклада посвящена различным оценкам ядерного арсенала Пакистана. У Пакистана и Индии на данный момент наблюдается ядерный паритет, однако оба государства продолжают наращивать свой потенциал. Все оценки, встречающиеся в достаточно обширной исследовательской литературе носят приблизительный, неточный характер. По мнению докладчика, экспертами недостаточно внимания уделяется проблемам развития плутониевой программы Пакистана.

В третьей части автор уделяет особое внимание роли Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в Пакистане и Группы ядерных поставщиков (ГЯП). Роль этих организаций достаточно существенна и правительство пытается наладить сотрудничество с ними. Тем не менее, значительная часть, даже большая часть ядерных объектов Пакистана не находятся под режимом гарантий МАГАТЭ, что создает серьезную угрозу для режима нераспространения ЯО. Кроме того, у Пакистана достаточно затруднен диалог с ГЯП, что, безусловно, создает определенные сложности для функционирования ключевого, первого этапа ядерного топливного цикла.

В заключении автор делает общие выводы и предлагает свой краткий прогноз развития ядерной программы Пакистана, как военной, так и гражданской.

Мелехина Н. В. (МГИМО МИД РФ)

Кашмирский кризис 2016 года: внутриполитический, региональный и международный аспекты

Важнейшей особенностью кашмирского спора является его двойственность как межгосударственного и как внутригосударственного конфликта. Он протекает как бы в двух плоскостях: на региональном уровне между Индией и Пакистаном, и страновом уровне, как внутрииндийская проблема. Взаимовлияние и взаимозависимость внутреннего и межгосударственного аспектов конфликта крайне велики. Противостояние в этом споре двух де-факто ядерных держав не может не вызывать беспокойства и традиционно твердой реакции международного сообщества. Участие же в этом конфликте террористических группировок, в том числе поддерживающих идеи «мирового джихада», превращает Кашмир в один из центров международного исламского экстремизма и может вывести конфликт на глобальный уровень.

Массовые беспорядки, вспыхнувшие в индийском штате Джамму и Кашмир летом 2016 года после убийства в ходе совместной спецоперации индийских военных и полиции одного из лидеров группировки «Хизб-ул муджахиддин» Б.Вани, вылились в затяжной кризис, самый тяжелый за последнее десятилетие.

Попытки кашмирских властей жесткими силовыми мерами взять под контроль ситуацию вызвали еще большие беспорядки, в результате которых десятки человек погибли и более пяти тысяч (в том числе и силовики) получили ранения. Напряженность в некоторых областях штата сохраняется до сих пор.

Обострение ситуации в Кашмире стало серьезным испытанием для правительства Н.Моди. Этот кризис продемонстрировал, что ставка только на силовые методы и проверенный способ – обвинения в адрес Пакистана в поддержке сепаратистов и террористов – недействительны. В руководстве страны есть понимание необходимости в значительной мере менять подход к внутреннему урегулированию кашмирской проблемы.

Серьезным образом кашмирский кризис усугубился в связи с атакой 18 сентября боевиков группировки «Джаиш-е-Мухаммад» на штаб-квартиру одной из индийских бригад, в результате которой 19 индийских военных были убиты, а несколько десятков ранены. Последовала незамедлительная реакция индийских властей, заявивших, что за этим терактом стоит Пакистан, а спустя десять дней индийские спецподразделения нанесли «точечный удар» по позициям боевиков на территории подконтрольного Пакистану Кашмира. Отношения между Нью-Дели и Исламабадом предельно обострились, словесная война «подкрепляется» периодическими перестрелками на Линии контроля. Кашмирский вопрос стал одной из главных тем выступления премьер-министра Пакистана Н.Шарифа на

Генассамблее ООН, прозвучали жесткие взаимные обвинения, был сорван очередной саммит ССАРК.

Тем не менее, несмотря на всю серьезность обстановки как в индийском Кашмире, так и в связи с Кашмиром в отношениях Индии и Пакистана, дальнейшего обострения в этом районе по большому счету не хочет никто, кроме экстремистов. Ни Нью-Дели, ни Исламабаду в силу разных, но весомых причин не выгодно на сегодняшний день еще больше раскачивать ситуацию и «раздуть пожар войны», дойдя до полномасштабного противостояния. При этом едва ли обе стороны готовы пойти хоть на малейшие уступки друг другу и отойти от своих базовых исходных позиций по Кашмиру.

Мелкумян Е.С. (РГГУ)

Россия и арабские государства залива: политическое взаимодействие в 2000-е годы

Россия и арабские государства Залива стали проявлять интерес к постоянным политическим контактам друг с другом с начала 2000-х годов, что было вызвано, как повышением роли России на международной арене в целом, так и ее большей вовлеченностью в решение проблем региона Ближнего Востока и Персидского залива. Россия становится одной из участниц квартета международных посредников по урегулированию ближневосточного конфликта, она отстаивает собственную позицию по решению Иракского кризиса, выступая против военной операции коалиционных сил под эгидой США, она активно участвует в урегулировании ситуации с иранским ядерным досье. Кроме того, российская дипломатия в этот период поставила цель, направленную на то, чтобы включить в число своих партнеров те арабские государства, которые в советский период входили в сферу влияния западного блока.

Со своей стороны арабские государства Залива рассчитывали, что контакты с Россией будут способствовать достижению региональной стабильности, помогут в продвижении арабской мирной инициативы, принятой на саммите ЛАГ в Бейруте в 2002 г, а также станут фактором сближения между мусульманами России и их единоверцами в арабских государствах Залива, среди которых особое положение занимала Саудовская Аравия - лидер мусульманского сообщества.

Отношения между сторонами характеризовались как периодами активного их развития, так и их кризисным состоянием, вызванным усилением противоречий между ними. Один из кризисов был связан с войной в Чечне, которую арабские государства восприняли как борьбу «с мусульманским населением России». Несмотря на пересмотр позиций арабских государств в отношении чеченского конфликта, противоречия между ними были усилены в связи с происшедшим в столице Катара Дохе в феврале 2004 г. убийством одного из лидеров чеченских сепаратистов З. Яндарбиева, где он проживал в качестве политического беженца.

Тем не менее, встречи между министром иностранных дел РФ и министрами иностранных дел арабских государств Залива во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН, с начала 2000-х годов стали носить регулярный характер. Обмен официальными визитами на высшем уровне между Россией и Саудовской Аравией, а затем вступление России в члены Организации исламской конференции (Организация исламского сотрудничества - с 2011 г.) стали поворотным моментом в их взаимоотношениях. В 2008 г. Россия и арабские государства Залива начали готовить почву для установления стратегического диалога между ними, используя механизмы региональной организации Совет

сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), в которую входили шесть арабских стран этого региона.

В ноябре 2011 г. был подписан меморандум о взаимопонимании. В феврале 2014 г. очередная встреча Стратегического диалога Россия – Совет сотрудничества арабских государств Залива прошла в Кувейте. Его заседания проходили не регулярно. После событий «арабской весны» отношения сторон обострились. Государства Залива принимали активное участие в конфликтах в Сирии и Йемене. Их с Россией стали разделять серьезные противоречия. Тем не менее, в конце мая 2016 г. прошел четвертый раунд Министерского стратегического диалога в Москве.

Противоречия между Россией и арабскими государствами Залива по сирийскому конфликту изменили характер их отношений. Эти государства заняли жесткие позиции в отношении правящего в Сирии режима Б. Асада, которого они считали виновным в многочисленных жертвах среди мирного населения и, в силу этого обстоятельства, утратившим легитимное право на осуществление власти в стране.

Контакты арабских государств Залива с Россией, после начала ею военной операции в Сирии в мае 2015 г. были интенсифицированы. Руководители этих государств, осознавая возросшую роль России в сирийском конфликте, провели серию переговоров с российской стороной, пытаясь добиться компромиссного решения сирийского кризиса. Отказ России изменить свою позицию в отношении режим Б. Асада вновь вызвал обострение в их отношениях. Тем не менее, взаимная заинтересованность в расширении контактов, прежде всего, в области экономического и военно-технического сотрудничества, может стать основой для возобновления тесного политического взаимодействия.

Митрофаненкова О. Е.

Влияние наркобизнеса на экономические и социальные аспекты в Афганистане

Последние два десятилетия наркобизнес в Афганистане является одной из ключевых внутренних проблем данного государства. Исследованиями Афганистана и афганского наркобизнеса занимается большой круг отечественных (сотрудники ИВ РАН, Конаровский М. А., Топычканов П., Казанцев А. А., Лалетин Ю. П., Степанова Е. А. и т.д.) и зарубежных ученых (Фельбаб-Браун В., Царик Ю., Лонг О., Мэнсфилд Д., Рубин Б. и т.д.).

Учеными уже были исследованы причины возникновения феномена наркобизнеса в Афганистане. Также детально исследовалось и негативное влияние афганского наркобизнеса на соседние с ним по региону государства.

Важным моментом в исследовании афганского наркобизнеса будет рассмотрение взаимобратной связи между ним и экономическими и социальными проблемами, которые имеют место быть в этом государстве.

Афганистан давно уже занял нишу наркогосударства и мирового лидера по производству опиатов (до 95% от мирового объема производимых опиатов).

Общеизвестно, что Афганистан относится к одним из самых отсталых и беднейших государств мира. Экономические и социальные проблемы внутри Афганистана способствовали зарождению наркобизнеса в 1990-е гг. Кроме этого сегодня афганский наркобизнес является одним из факторов, который мешает экономическому развитию и социальному благополучию в этой стране.

Афганистан обладает большим потенциалом в области экономического развития. Выгодное экономико-географическое положение Афганистана могло бы превратить его в крупный транспортный узел целого региона, что существенно облегчило бы интеграционные процессы внутри региона, а также процессы товарообмена между государствами (пример: облегчило бы выход Индии на рынки Центральной Азии). Важным фактом является то, что Афганистан богат природными ресурсами, которые не были тронуты до сих пор из-за постоянных конфликтов в стране.

Очевидно, что весь комплекс проблем внутри Афганистана и наркобизнес в том числе, тормозят экономическое развитие региона и интеграционные процессы. Наркобизнес также является одним из ключевых факторов, которые способствуют затягиванию конфликта внутри страны. На фоне сращивания наркобизнеса с чиновничьим аппаратом, Афганистан сталкивается с такой серьезной социальной проблемой как колоссальный рост коррупции.

Под воздействием наркобизнеса внутри Афганистана сильно переплетаются социальные и экономические проблемы.

С наркобизнесом в Афганистане могут быть связаны такие социальные проблемы как: бездомные, бедность, высокая смертность, детская беспризорность, коррупция, наркомания, нарушение прав ребенка, низкий уровень жизни, терроризм, права и свободы человека и т.д.

Можно говорить о том, что наркобизнес и социальные и экономические проблемы Афганистана взаимосвязаны. Низкий уровень экономического и социального развития Афганистана для конца XX в., а также затянувшийся конфликт, способствовали формированию теневой экономики внутри Афганистана, ключевую роль в которой играет наркобизнес. С течением времени наркобизнес не только усугубил существовавшие ранее проблемы в социальной и экономической сфере, но и добавил к ним новые.

Нессар М.О.

Политизация этничности: политический класс и политический процесс в современном Афганистане

В истории постталибского Афганистана (2001-2014гг) можно выделить несколько этапов, которые отличаются особенностями актуальной проблемной повестки дня, военно-политической ситуации и тесно связанной с ней социально-экономической обстановкой. Так, если 2001-2003 годы были этапом формирования государственных институтов в Афганистане, а 2003-2006 годы – периодом становления национального электорального процесса, то 2006-2014 годы можно считать временем отказа и сворачивания принципов первоначальной Боннской стратегии. В 2001-2003 годах в Афганистане была реализована большая часть задач по строительству государственных институтов, сформулированных первой Боннской конференцией (2001). Одним из главных достижений этого периода стало принятие Конституции (Основного закона) Афганистана. 2003-2005 годы можно по праву считать переломными с точки зрения проблем безопасности. Именно в 2003 году были зафиксированы первые признаки новой активности талибов. Все эти важные перемены происходили на фоне боевых действий на территории ИРА с участием сил НАТО. 2006-2014 годы можно охарактеризовать как «конец игры». Этот период запомнился рядом важных перемен, как во внутреннем политическом процессе, так и в подходах международного сообщества к афганскому проблемному узлу.

Орлов В.В. (ИСАА МГУ)

Марокко в военно-морской стратегии Российской империи (XVIII – начало XX в.)

Несмотря на значительную отдаленность Шерифской империи (Марокко) от российских берегов, препятствия в торговле и судоходстве через Проливы, чинимые Османской империей, и отсутствие прямых торговых и экономических интересов России на северо-западе Африки, с середины XVIII в. российские корабли нередко заходили в порты североафриканского побережья. Основным путем сообщения со странами Средиземноморья в то время оставался маршрут из Балтики через Ла-Манш и Гибралтарский пролив.

Во второй половине XVIII в., после открытия Черноморских проливов в ходе русско-турецких войн и признания Стамбулом выгодных для России условий мореплавания в Средиземном море, интерес Санкт-Петербурга к Магрибу возрос. Хотя основной зоной операций российского флота в ходе Архипелагской экспедиции (1769–1775 гг.) стала восточная акватория Средиземного моря, вскоре после этой экспедиции российские военные моряки стали первыми проводниками межгосударственных связей двух стран. Встреча и договоренности капитана 1-го ранга Т. Козлянинова с марокканским посланником в Ливорно Мухаммадом ибн Абд ал-Маликом (1778 г.) привели к дружественной переписке (1782–1783 гг.) между Екатериной II и султаном Марокко Сиди Мухаммадом ибн Абдаллахом.

Во второй половине XIX и начале XX столетия атлантические и средиземноморские порты Марокко расценивались в Санкт-Петербурге как промежуточная стоянка сил флота на пути из балтийских баз в Тихий океан. После открытия Суэцкого канала (1869 г.) Гибралтарский пролив как входные ворота Западного Средиземноморья приобрел для российских ВМС дополнительную ценность. В 1899–1905 гг. отдельные российские военные корабли и целые отряды по пути следования на Дальний Восток снаряжались в порту Танжера углем, снабжались припасами и провиантом, пополняли наличностью судовые кассы. Эти возможности особенно часто использовались российским командованием при передислокации боевых кораблей в акваторию Тихого океана в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. Формальный нейтралитет Марокко в русско-японской войне не создавал препятствий для обслуживания российских боевых кораблей, поскольку шерифский султанат не был связан с Японией какими-либо международными договорами.

В то же время Россия, в отличие от Франции и Испании, готовившихся в начале XX столетия к установлению протектората над Марокко, отнюдь не проводила в этой стране «политику канонерок». Так, в 1906 г. командующий российской эскадрой Бострем сознательно избежал стоянки своих кораблей в

Танжере с целью дистанцироваться от демонстрации военно-морской силы, проводившейся в то время французским и испанским правительствами.

Значение марокканских портов для стратегического планирования российских ВМС в конце XIX – начале XX в. определялось существенным развитием в эту эпоху российской навигации и торговли, расширением географических пределов операций российского военно-морского флота.

Серенко И.Н.

Трансформация женского движения в Исламской Республике Пакистан.

Проведенный анализ эволюции женского движения в одном из крупнейших мусульманских государств мира Пакистане, появившемся на международной политической карте в 1947 г., позволяет сделать вывод о том, что оно постепенно смещается в сторону «исламского феминизма», представляющего собой своего рода правозащитное женское движение в рамках исламской парадигмы. Во многом это объясняется возросшей ролью ислама в жизни пакистанского общества после начатой властями в 1977 г. политики исламизации, которая способствовала расколу женского движения в стране, имевшего на первоначальном этапе становления государственности относительную целостность создававшихся многочисленных женских организаций (Ассоциация пакистанских девушек (1947); Женская организация социальной службы (1948); Всепакистанская женская ассоциация (1949); Ассоциация медицинских сестер (1949); Пакистанская федерация выпускниц университетов (1952); Профессиональный женский клуб (1954); Объединенный фронт за права женщин (1955); Кооперативное общество по повышению благосостояния семьи (1957) и др.). Их деятельность в основном была нацелена на укрепление молодого государства и изменение в нем к лучшему положения женщин. Она не имела религиозной направленности, была социально ориентирована и сводилась в основном к повышению благосостояния пакистанок через включение их в трудовую деятельность, ликвидацию среди них бедности, болезней и неграмотности.

Последовавшая затем исламизация всех сфер жизнедеятельности пакистанского общества, включая образование женщин, вызвала трансформацию женского движения в сторону «исламского феминизма», отмеченного многообразием модернистских, традиционалистских, а порой и радикальных подходов к решению гендерных проблем. Среди женщин-мусульманок все больше находит поддержку идея реформации ислама в защиту их интересов, хотя и с различных позиций его толкования либеральными и консервативными исламскими феминистками. Если первые призывают мусульманок к активной борьбе за свои гендерные права, против дискриминации и насилия в контексте современной интерпретации основ ислама, то консервативно настроенные мусульманки, отстаивающие позицию исключительности и универсальности ислама, высказываются в основном за пассионарные методы решения женских проблем с помощью коранических предписаний и канонов в условиях воссоздания теократии, для установления которой ими допускается использование всего арсенала имеющихся информационных и технических средств, включая джихад. Современное женское движение в Пакистане, расколовшееся соответственно на либеральных и консервативных мусульманских

феминисток и их сторонниц, отражает социально-политический контекст развития пакистанского государства, подвергшегося исламизации. Перспектива Исламской Республики Пакистан все же видится в общественной модернизации, предопределяющей постепенное преобразование феодально-патриархального пакистанского уклада жизни с отчетливо выраженным мужским доминированием в гражданское общество особого типа, основанное на лучших традициях мусульманской культуры в сочетании с демократическими принципами гендерного равенства и справедливости. При этом главным инструментом включения пакистанских женщин в созидательный процесс общественной трансформации является их всестороннее просвещение и образование. Расширение современных качественных образовательных возможностей для пакистанок при гармоничном развитии женского интеллектуального потенциала с опорой на лучшие культурно-религиозные традиции позволит, как представляется, смягчить социальные контрасты в обществе, снизить в нем гендерную дискриминацию и перейти к практической реализации новой Национальной стратегии развития страны «Пакистан 2025: одна нация - одно видение» (2014), предусматривающей формирование единой нации и единого видения Пакистана как умеренного мусульманского государства, интегрированного в поликультурное мировое пространство.

Слинкин М.М. (Военная Академия)

Операция «Несгибаемая свобода» в Афганистане. Влияние на военное искусство

Решение о проведении операции «Несгибаемая свобода» руководство США приняло в ответ на террористические атаки 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, ответственность за которые была возложена на экстремистскую организацию «Аль-Каида». Вооруженную борьбу против международного терроризма, временные рамки которой не были ограничены, предполагалось вести не только в Афганистане, где скрывался руководитель «Аль-Каиды» Усама бен Ладен, но и в других районах мира (Юго-Восточная Азия, Африканский рог, Западная Сахара и др.).

Военные действия в Афганистане в рамках операции «Несгибаемая свобода» распадаются на несколько фаз. Из них завершёнными принято считать первую – против Исламского эмирата Афганистан с 7 октября 2001 г. по конец декабря того же года и вторую – против иррегулярных вооружённых формирований (ИВФ) исламистской оппозиции в 2002–2014 гг.

Наиболее значимыми для **военного искусства**, исходя из опыта проведения этой операции в Афганистане в 2001–2014 гг., могут быть следующие положения:

– США и их союзники 7 октября 2001 г. начали воздушную наступательную операцию (ВНО) до завершения мероприятий по созданию группировки войск (сил), что подтвердило возможность закрепления подобного способа развязывания военных действий в будущем в качестве основного. В ходе ВНО применялись преимущественно самолёты палубной и дальней бомбардировочной авиации, а также силы специальных операций (ССО) с авианесущих кораблей. Тот же способ развязывания военных действий был использован в марте 2011 г. в ходе операций США и их союзников против Ливии;

– первая фаза операции подтвердила ключевую роль в достижении успеха в традиционном вооружённом конфликте сил и средств воздушного нападения ВВС и ВМС, а также космических систем разведки, связи и навигации и тенденцию к увеличению доли высокоточного оружия в общем количестве применённых средств поражения;

– ход боевых действий в Афганистане опроверг прогнозы о возможном исключении наземной фазы из содержания «операций XXI века» и снижении роли сухопутных войск. Общий успех первой фазы операции «Несгибаемая свобода» был бы невозможен без привлечения для наземных действий оппозиционных талибам вооружённых формирований «Северного альянса»;

– операция «Несгибаемая свобода» в очередной раз показала, что борьба с ИВФ требует больше сил, времени и сопровождается большими потерями, в том числе и среди мирного населения, чем ведение военных действий традиционными методами в ходе вооруженного конфликта, в котором противниками с обеих сторон выступают регулярные вооруженные силы;

– на всех этапах второй фазы операции была подтверждена незаменимость сухопутных войск для борьбы с ИВФ в горно-пустынной местности и в урбанизированной среде;

– основным для иностранных коалиционных и правительственных сил Афганистана оставался способ окружения (блокирования) противника в сельской местности или в урбанизированной среде с последующим его уничтожением (пленением) и зачисткой района боевых действий. Также действовали оккупационные и правительственные силы в Ираке в 2003–2010 гг.;

– борьба с ИВФ в Афганистане выявила недостатки в разведывательном обеспечении, ориентированном на особенности традиционного вооруженного противоборства между регулярными вооруженными силами. Данная тенденция была подтверждена и в Ираке. Асимметрия в обеспеченности современными и технически сложными средствами разведки между регулярными вооруженными силами и ИВФ не приводит к подавляющему преимуществу первых перед последними;

– длительное ведение боевых действий в Афганистане, расположенном в тысячах километрах от континентальной части США, стало возможным благодаря хорошо организованному материально-техническому обеспечению войск (сил), опиравшемуся на заблаговременно созданную инфраструктуру (военные базы и склады, аэродромы и порты) в зоне ответственности Объединенного центрального командования ВС США.

События внутри и вокруг Афганистана подтвердили растущую роль в современных вооруженных конфликтах гибридных методов – комплексного применения политических, экономических, информационных и других невоенных мер. Несмотря на незаконность с точки зрения международного права применения вооруженных сил против ИЭА без санкции СБ ООН, США и их союзникам удалось добиться одобрения проведения военной операции «Несгибаемая свобода» со стороны большинства стран международного сообщества в ходе массовой кампания на политическом, дипломатическом и информационном уровнях.

Тоцкая Е.П. (Нижегородский Университет)

Роль религиозного фактора в контексте формирования внешней политики Исламской Республики Иран в XXI в.

После исламской революции в Иране и приходу к власти шиитского духовенства религиозный фактор приобрел колоссальное влияние на процесс формирования внешнеполитического курса страны. Причем шиитский фактор находит свое проявление в конституционной форме, влияя также на все аспекты жизни страны: политику, экономику, юриспруденцию, идеологическую составляющую.

Для изучения современного состояния иранского общества, необходимо четкое понимание двух ключевых факторов, на которых оно базируется: иранских традиций и культуры, а также религии – ислама, и если быть более точным, шиизма.

Не вызывает сомнений тот факт, что политика и религия для Ирана неразрывно связаны между собой. Учение Пророка предполагает определенные «программы действий» для общества и каждого конкретного человека в частности, рассматривая политику и власть в качестве инструментов реализации этих программ. Стремление к власти всегда служит движущим фактором политики, именно поэтому ислам в контексте формирования внешнеполитической ориентации Ирана не только направлен на выражение своих интересов, но также определяет средства для их реализации.

Иран – единственное государство мира, в котором шиизм является государственной религией. Так в статье 12 Конституции Исламской Республики положение о государственной религии сформулировано следующим образом: «Официальной религией Ирана является ислам джафаритского толка, признающий существование 12 имамов, и этот принцип навсегда останется неизменным. Другие исламские верования, в частности ханафитское, шафиитское, маликитское, ханбалитское и зейдитское пользуются полным уважением».

Исламская Республика Иран использует все предоставленные ей возможности для влияния на формирование политической ориентации стран Ближнего Востока, опираясь преимущественно на идеологию и ценности шиизма. Следует отметить, ему это с успехом удается, т.к. шииты на Ближнем Востоке всецело поддерживают проводимую Ираном региональную политику. Если проанализировать религиозный аспект формирования внешней политики стран региона, можно отметить, что страны с преобладающим суннитским населением ставят на первое место свою арабскую идентичность, в то время как арабы-шииты практически всегда ассоциируют себя в первую очередь как шиитов, а уже после как арабов. Именно эта особенность «шиитского полумесяца» позволяет Ирану

укреплять свое геополитическое влияние, а также проводить слаженную политику распространения идеологии шиизма.

Внешняя политика Ирана осуществляется благодаря координированному воздействию религиозной идеологии, однако, не без дополнительного влияния экономических и геополитических факторов. Внешняя политика Тегерана – это результат долгосрочного внесударственного действия шариата, а исламский фактор – это более одного миллиарда мусульман по всему миру. И влияние Ирана на шиитскую его часть в регионе Ближнего и Среднего Востока невозможно переоценить.

Труевцев К.М.

Восхождение Курдистана: возможности и шансы

1. В региональном конфликте на Ближнем Востоке, который, очевидно, вступает в свою кульминационную фазу, уже достаточно явственно выступают как те, кто проигрывают в его ходе и приближающемся результате, так и те, кто оказывается в наибольшем выигрыше.
2. Среди главных бенефициаров конфликта – Иран, превращающийся в доминирующую региональную державу, а также курды.
3. Попытаемся вначале рассмотреть ситуацию внутри и вокруг Иракского, Сирийского и Турецкого Курдистана по отдельности, а затем попытаемся сделать предварительный вывод насчет того, вырисовывается ли реально всеобщий курдский государственный проект.
4. Иракский Курдистан со всеми его внутренними проблемами, противоречиями и конфликтами, тем не менее, начиная с 1991 г. и особенно с 2003 г. (т. е. в течение последних 25 лет) переживает полосу относительной стабильности и благополучия за весь период своего существования в составе Ирака, начиная с 1923 г. (т. е. за период в 93 года).
5. Иракский Курдистан сейчас превратился в один из крайне немногих островков относительной стабильности во всей зоне регионального Ближневосточного конфликта. Его можно практически без натяжек назвать состоявшимся государством в рамках федеративного Ирака, причем с такой большой степенью самостоятельности, которая де факто превращает его федеративный статус в конфедеративный. При этом существенной реальной угрозы его существованию и развитию в настоящий момент не существует ни со стороны Турции, ни со стороны Ирана, ни со стороны Багдадского режима, ни со стороны ИГИЛ. Это позволяет ему начать поворот от доминирующего влияния на Эрбиль со стороны Анкары к многовекторному формату отношений с соседями (что и происходит в настоящее время).
6. Сирийский Курдистан стал обретать роль самостоятельного регионального игрока относительно недавно (начиная с 2012 г.), однако это не помешало ему чрезвычайно быстро обрести политическую субъектность и значительно укрепить ее к настоящему времени.
7. Обретению и укреплению политической субъектности Сирийского Курдистана (Рожавы) способствовали следующие факторы: а) вынужденное предоставление ему Дамаском фактической автономии в конце 2011 – начале 2012 гг.; б) успех в самостоятельном противостоянии наступлению террористов «Нусры» и ИГИЛ в 2013 – 2015 гг.; в) оторванность от остальной территории Сирии полосой земель занятых отказавшегося от активной конфронтации с ним ИГИЛ; г) превращение его в фактического союзника

Дамаска в общем противостоянии с террористами и Турцией; д) постоянная военная, экономическая, политическая и другая помощь и поддержка с сопредельных курдских территорий Турции и Ирака; е) отсутствие физической возможности Турции осуществить генеральное наступление на Рожаву в течение длительного времени; ж) позиция мировых держав, прежде всего США и России (сейчас, может быть, фактически даже больше России, чем США), рассматривающих Сирийский Курдистан как серьезный фактор противостояния терроризму.

8. Сегодня фактор самостоятельного существования Сирийского Курдистана (в виде автономного района Сирии) становится непреодолимым, даже независимо от того, удастся ли соединить его основную часть с анклавом Африн ввиду неспособности Турции осуществить генеральное наступление на его территорию. Еще одним важным фактором в гарантировании самостоятельности Рожавы становится происходящий поворот Ирана в курдском вопросе.
9. Отличием положения Турецкого Курдистана является то, что он до настоящего времени не обрел политической субъектности. Однако дальнейшее течение ближневосточного конфликта в целом и развитие гражданской войны на востоке Турции в особенности может привести к тому, что этот барьер окажется быстро преодолен. Во всяком случае, вектор развития событий в Турции приближает такую возможность к реальности.
10. В случае завершения процесса автономизации Курдистана в Турции произойдет образование трех сопредельных курдских автономий и тогда не только перед региональными государствами, но и перед всем мировым сообществом встанет вопрос: Что делать?

Черников И.Ф. (Киев)

Мустафа Кемаль Ататюрк, светский характер республиканской Турции и проблемы его осуществления.

Провозглашение более 90 лет тому назад Турецкой Республики 29 октября 1923 г. – первой на Ближнем и Среднем Востоке, следствием которого явился отказ от вековой монархической формы правления – султаната, выдвинуло перед государственной администрацией Президента Мустафы Кемалья (Ататюрка) чрезвычайно сложные задачи в области конфессиональной политики. А ее сердцевиной стал «секуляризм» – «светскость» (от лат. «saecularis» - «светский»).

Нельзя не согласиться с турецким автором Мустафой Айдыном, подчеркивающим, что на смену доктринам Османской империи – оттоманизму, панисламизму и пантуранизму неизбежно пришли идеологические и политические принципы Кемалья Ататюрка – республиканизм, секуляризм и тюркизм¹.

Уже 3 марта 1924 г., спустя четыре месяца после перехода страны к республиканскому строю, Великое Национальное собрание Турции (ВНСТ) приняло закон об упразднении халифата как верховного органа духовной власти над мусульманами не только бывшей Османской империи, но и других стран Азии и Африки. Последнему же халифу «всех правоверных» Абдул-Меджиду вместе с его многочисленным гаремом и ближайшим окружением предписывалось немедленно эмигрировать без права возвращения на родину. Тогда же было ликвидировано министерство по делам шариата, вводились по европейскому образцу Гражданский кодекс, международный календарь, современное летоисчисление; выходной день Правительство перенесло с пятницы на воскресенье².

Важным шагом в процессе утверждения светскости стал закон, в соответствии с которым подавляющее большинство учебных заведений в Турции отделялось от религиозных конфессий и выводилось из их непосредственного подчинения. Повсеместно в стране начали открываться государственные школы, где учащиеся были призваны осваивать основы знаний уже не через призму Корана, а часто и вопреки ему³.

Не менее важным с точки зрения осуществления принципов секуляризма стало введение для местного населения европейской одежды, начавшееся с запрещения туркам-мужчинам носить их основной головной убор – феску. Если принять во внимание, что каждый мусульманин мужского пола должен был совершать пять раз в день «намаз» (молитву), причем делать это обязательно с покрытой головой, низко наклоняя ее до самой земли, то роль и особенность

фески станут понятными. Ведь иной головной убор – то ли с козырьком (кепи), то ли с полями (шляпа) – вовсе не приспособлен к исламской молитве. По указанию властей, фески публично сжигались и заменялись шляпами. Только Стамбул тогда получил из-за рубежа два вагона шляп⁴. «Мы должны были ликвидировать феску, которая являлась символом невежества, отсталости, фанатизма..., – говорил М. К. Ататюрк. – Необходимо было заменить ее шляпой, головным убором, принятым во всем цивилизованном мире, и тем самым, показать, что турецкий народ как по своему духовному складу, так и в других отношениях ничем не отличается от прочих цивилизованных народов»⁵.

Светский характер молодой Республики на Ближнем Востоке приобрел особое звучание и в известном смысле необратимость в связи с юридическим освобождением кемалистами от всемогущества исламского фанатизма турецкой женщины, сбросившей чадру*, получившей необходимые гражданские права и возможности занять наравне с мужчинами достойное место в обществе.

Примеры с капитаном турецкой регулярной армии Кара Фатьмой, командирами партизанских отрядов Айше Ханым и Хадидже Ханым, отважной студенткой Мюневер Саиме, награжденной высшим Знаком отличия – Медалью Независимости, известными писательницами Халиде Эдиб и Суад Дервиш, журналисткой Сабихой Сертель, талантливой артисткой Мюнире Бинт Ханым, первой турецкой летчицей Сабихой Гекчен, – убедительное тому подтверждение. Новым Гражданским кодексом, утвержденным ВНСТ, многоженство было запрещено, семья взята под защиту государства. Однако и поныне положение турчанки особенно в сельской местности определяется, главным образом, исламскими традициями⁶.

Бесспорным достижением политики секуляризма стала реформа алфавита турецкого языка, проведенная по инициативе Кемаля Ататюрка. Арабская вязь, используемая еще с древности для передачи особенностей турецкой фонетики и словообразования, ныне заменялась несравненно более доступным для обучения и усвоения латинским алфавитом⁷.

Это обстоятельство встретило яростное сопротивление клерикальных сил, утверждавших, что без арабской вязи турецкий язык и турецкая литература неминуемо погибнут. Полемизируя со своими исламистскими оппонентами, Ататюрк подчеркивал: «Простой опыт с предельной ясностью показал, что созданные на латинской основе турецкие буквы вполне подходят для турецкого языка. Им должны овладеть каждый гражданин, мужчина, женщина, носильщик, лодочник. Рассматривайте это в качестве своего патриотического и национального долга»⁸. Дело дошло до того, что сам Президент начал совершать поездки по стране и показывать с помощью мела и ученической доски, как нужно писать буквы нового алфавита⁹.

1 ноября 1928 г. ВНСТ принял закон о введении повсеместно в стране латинского алфавита вместо арабского. На латиницу обязаны были перейти все без исключения турецкие газеты и журналы, впредь только новым алфавитом разрешалось печатать турецкие книги. По всей Турции в срочном порядке открывались лингвистические курсы для взрослого населения. А Министерством народного просвещения во всех классах начальной и средней школ с целью обучения нового алфавита был установлен жесткий срок – три месяца¹⁰. Английский журналист Д. Джексон в связи с этим справедливо отмечал: «Кемаль достиг своей цели: изгнав арабские слова и арабский алфавит, заменив греческие названия городов турецкими (Константинополь стал Стамбулом, Смирна – Измиром, Ангора – Анкарой), он дал Турции язык, который был бесспорно турецким, а введение латинского шрифта облегчил туркам восприятие западной цивилизации»¹¹.

В плане всяческого содействия всестороннему развитию светской культуры в Республике осуществлялось реформирование турецкой музыки. Оно проходило также под патронажем М. К. Ататюрка, заявившего при этом, что следует как можно быстрее и результативнее собирать превосходные напевы и мелодии народа, выражающие его чувства, и обрабатывать их в соответствии с общепринятыми правилами в музыке¹². Конкретизируя данное положение Президента, турецкая газета «Ля Тюрки» писала: «Музыка и песни, которые в настоящее время называют турецкими, ни в коей мере не отвечают чувствам турецкой нации. Эта музыка... принуждает плакать. Между тем турецкий народ - веселый и жизнерадостный»¹³.

И, наконец, последнее по счету и по времени, но далеко не последнее по значению. Речь идет о принятии ВНСТ (1934 г.) закона о введении фамилий и о ликвидации дореволюционных титулов и званий: как-то «паша», «бей», «эфенди», «шейх», «ханым». Это явилось существенным вкладом в упрочение торжества принципов секуляризма, знаменовавшее собой дальнейшее ослабление влияния и позиций мусульманской религии. Ведь раньше в силу опять-таки исламских законов и обычаев у турок были только имена. 24 ноября 1934 г. ВНСТ торжественно провозгласило Мустафу Кемаля - «Ататюрком», то-есть - «отцом турок», открыв тем самым перед турецкими гражданами возможность получения фамилий в массовом порядке¹⁴.

А итоговый аккорд в превращении Турции в светское государство прозвучал еще 9 апреля 1928 г., когда парламентом этой страны было принято решение об изъятии из текста Конституции 1924 г. статьи о том, что «Ислам является государственной религией Турции». Тогда же отменялась и религиозная форма присяги Президента и депутатов на сессиях ВНСТ, объявлялись вне закона различные мусульманские секты и ордена¹⁵.

Уместно напомнить, что светский характер Турецкой Республики был подтвержден и в Конституции 1961 года¹⁶.

А ныне в действующей Конституции 1982 г. об этом сказано следующим образом: «Турецкая Республика является демократическим, светским и социально-правовым государством, в котором в условиях общественного спокойствия, национальной солидарности и правосознания уважаются права человека и которые привержены национализму Ататюрка...»¹⁷.

Возникает естественно законный вопрос – а не являлся ли секуляризм Ататюрка синонимом атеизма? Ответ может быть только однозначным – ни в коей мере. И хотя основатель и первый Президент Турецкой Республики был человеком вне всякого сомнения передовым убежденным поборником прогрессивных преобразований, тем не менее атеистом он себя никогда не считал и не называл. Более того, в его выступлениях содержались иногда такая фраза, как «наша священная религия ислама, принадлежностью к которой мы гордимся»¹⁸. Достоверным является факт личного обращения Ататюрка к литератору и поэту Мехмеду Акифу, автору текста Турецкого республиканского гимна – «Марша независимости» с указанием о необходимости перевода на турецкий язык Корана¹⁹. А как расценить распоряжение Верховного Главнокомандующего Мустафы Кемалю – сохранить во что бы то ни стало в армии в интересах ее боеспособности «полковых священников» - мусульманских мулл? ²⁰ Или же как объяснить такое любопытное обстоятельство, что за все время правления Ататюрка ни одна из действующих мечетей не была закрыта ²¹.

На практике же секуляризм Ататюрка проявлялся скорее всего в том, чтобы религию ислама взять под контроль республиканского государства. Иными словами – заставить ислам и другие конфессии «работать» в интересах Турецкой Республики. Говоря словами М. Кемалю, «как можно скорее освободить нашу религию, наши верования от влияния старой политики, старых политических институтов» ²². И только «тогда религия ислама сможет проявить свои высокие качества» ²³. Такого мнения придерживался основатель и неутомимый строитель новой республиканской Турции.

Можно только солидаризоваться с профессором политологии Босфорского университета в Стамбуле Суной Кили, которая утверждает, что с помощью секуляризма М. К. Ататюрк, создавши по сути новую государственную религию, осуществил тем самым успешный исторический эксперимент ²⁴.

А доктор ориенталистики Сорбоннского университета в Париже Поль Дюмон резонно заметил, что секуляризм вместе с другими принципами кемализма (республиканизмом, национализмом-тюркизмом, народничеством, революционностью и этатизмом) официально превратили Турцию в первое светское государство исламского мира ²⁵.

Известный польский турколог Ян Райхман в своей «Истории Турции» характеризует целый ряд кемалистских реформ, направленных на отделение церковных институтов от государства, как планомерное наступление

секуляризма, который приобрел к 1937 году официальный статус государственной религиозной службы²⁶.

Поэтому учрежденное Правительством еще в 1924 году специализированное Управление по делам религий, призванное производить надзор за тем, как верующие осуществляют свое право на свободу совести получило во второй половине 30-х г.г. вполне реальное признание.

Следует однако заметить, что секуляризм в Турецкой Республике никогда не чувствовал себя комфортно, а тем более прочно. Разрекламированный же государственный контроль над религиозными конфессиями носил скорее всего формальный характер. Ведь Турция как страна, расположенная главным образом на Ближнем Востоке, оставалась по-прежнему мусульманской, хотя облик нового Турецкого государства был вне всякого сомнения уже светским. Именно светский характер Турецкой Республики подвергался с самого начала жесточайшему противодействию со стороны оппозиционных М. К. Ататюрку сил, и в первую очередь фанатически настроенных исламистов. И в этой связи феномен исламского фундаментализма, возникшего не сегодня и даже не вчера и который коренится в недрах любого теократического государства (Османская империя служила эталоном в этом отношении), - является глубоко поучительным и достоин всяческого осмысления²⁷.

А выступления фундаменталистских сил в Турции не заставили себя долго ждать. Наиболее крупно-масштабные выступления произошли еще при жизни Ататюрка осенью 1924 и весной 1925 годов. Именно тогда оппозиционные Кемалю круги консолидировались в легальную политическую партию, названную по иронии смысла ее организаторами – «Прогрессивно-республиканской». Программой партии предусматривалось возрождение халифата, религиозной системы обучения и возрождения мусульманских сект. Широко распространялись лозунги наподобие таких, как «спасение Турции в исламе», «эмансипация женщин - сплошной разврат» и т.п. Во главе партии стояли видные представители так называемой «генеральской оппозиции» – Кязим Карабекир Паша, Али Фуад Паша, Рефет Паша²⁸.

Синхронным с действиями оппозиции явилось и восстание шейха Саида (февраль-апрель 1925 г.) в Юго-Восточном регионе страны, населенном в значительной мере курдами. Требованиями восставших были: реставрация халифата, возврат к шариату, создание независимого Курдистана²⁹.

И хотя восстание шейха Саида было жестоко подавлено, а оппозиционеры из «Прогрессивно-республиканской партии» понесли суровые наказания, деятельность партии была поставлена вне закона – все же факт достаточно мощного выступления, которое исламисты преподнесли реформатору Мустафе Кемалю, говорил сам за себя.

Стремясь к укреплению позиции государства во взаимоотношениях с конфессиями, установлению более эффективного контроля над ними, Ататюрк провел через ВНСТ (июнь 1935 г.) закон, определивший и конкретизировавший структуру и механизм деятельности созданного в 1924 г. Управления по делам религий. Было решено, что данная структура назначает в вилайеты своих полномочных представителей – муфтиев с целью надзора за функционированием конфессий. А Председателя указанного Управления утверждал Президент Республики по представлению премьер-министра³⁰.

Рассмотрение событий 90 летней или 80 летней давности убеждают нас в неоспоримой значимости и важности в интересах Турецкого народа преобразований, осуществленных по инициативе Мустафы Кемаля Ататюрка, в том числе и в сфере религиозно-идеологической.

В то же время чрезвычайно ощутимым фактором как в политическом, так и в социально-экономическом развитии Турции в последнее время стало ее неуклонное движение к исламским истокам.

Достаточно сложную ситуацию в сегодняшней Турции своеобразно отобразила влиятельная английская газета «Financial Times», поместившая рисунок своего художника. Так, на фоне одной из центральных стамбульских мечетей, вблизи пролива Босфор собралась огромная толпа турецких избирателей, держащих в руках транспаранты с эмблемой правящей умеренно-происламской «Adalet ve Kalkinma Partisi» («Партия справедливости и развития» – ПСР), лидером которой является нынешний Президент Турции Реджеп Таип Эрдоган. Напротив возвышается гигантская скульптура Ататюрка в окружении множества людей в форме вооруженных сил Турции. Пояснение к данному рисунку указанный номер газеты предлагает следующее: на-лицо существующее противоборство между двумя конкурирующими лагерями, столкнувшимися в борьбе за власть. Один лагерь – это традиционная элита, считающая себя защитницей светскости, всего мирского, республиканская наследница Мустафы Кемаля Ататюрка. Другой - совершенно новый феномен в лице «Adalet ve Kalkinma Partisi», который способен понять и поддержать исторические и религиозные обычаи и традиции многочисленного количества мусульманских граждан-избирателей в нынешней Турции.³¹

Можно всецело согласиться с выводами известного турколога профессора Н. Г. Киреева: «Причины успехов происламской партии в давно уже светском государстве – очевидны, прежде всего они объясняются общим кризисом доверия к элитарным светским партиям...»³².

И все же будущее и только оно может дать ответ на вопрос: а в интересах ли всего турецкого общества с его нынешними бесспорными достижениями в сфере культуры, науки, искусства возвращаться в начале XXI ст. в полной мере и

крупномасштабно к историческим традициям, которые олицетворяет религия ислама, в одночасье отрекаясь от истинных кемалистских принципов светскости?

* *Чадра* – покрывало белого или черного цвета, в которое облачалась полностью с головы до пят турчанка преимущественно во времена Османской империи.

Источники и литература:

1. Aydin Mustafa. Turkish foreign policy. Framework and Analysis. – Ankara, 2004. P.17
2. Atatürk // Turkish National Commission for UNESCO. - Ankara, 1963. - P. 149 - 150; Baydar Mustafa. Atatürk ve Devrimlerimiz (Байдар Мустафа. Ататюрк и наши революции) – Istanbul, 1973. – S. 171-172,181-183; Mardin Serif Religion and secularism in Turkey // Atatürk. Founder of a Modern State. – London, 1981, – P. 216-217; Uysal Ahmet. Media and Religion Reform in Turkey. – Izmir, 2008. – P 51; Величко Л. П'ятиріччя Турецької Республіки // «Східний світ». – Харків, 1928, № 6 – С. 21-40.
3. Atatürk. Turkish National Commission for UNESCO, P. 157-161; Joseph S. Szyliowicz. Atatürk and Educational Modernization // Journal of the American Institute for the Study of Middle Eastern Civilization (JAISMEC). – New York, 1980-81, 1980-81, Vol.1, No. 3-4, P. 118-121; Киреев Н.Г. Секуляризм и национализм – два идеологических кита модернизации Турции // Турция. Современные проблемы экономики и политики. - М., 1997, С. 12.
4. Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. – М. – Л., 1948, С. 153-154.
5. См. Пиотровский С. Свет и тени Турции. Пер. с польского. Ответственный редактор и автор примечаний и послесловия – Е.И. Уразова – М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981, С. 27.
6. Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918-1823. – М., Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1966, С. 119; Abadan-Unat Nermin. Movements of Women and National Liberation The Turkish Case. // JAISMEC, P. 8.

7. Грунін Т. Новий альфабет в Туреччині // “Східний світ”, 1929, № 1-2 (7-8) С. 339-346.
8. Quotations from Mustafa Kemal Ataturk – Ankara, 1982, P. 66; Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления. Перев. с тур. Редакция и вступ. статья проф. А.Ф. Миллера - М., 1966 – С. 352.
9. Ikbāl Ali Shah. Kamal: Maker of Modern Turkey. – London., 1934, P. 253.
10. Грунін Т. Указанная публикация – Ibidem.
11. Джексон Д. Послевоенный мир. Перев. с англ. – М., 1937, С. 97
12. Центральный Госархив Октябрьской революции, высших органов власти и управления, ф. 5283, оп. 4., д. 142, л. 29;
13. «La Turquie», – Istanbul, 1934, November 3.
14. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983, С. 200.
15. Миллер А.Ф. Ibidem. С. 154; Ганусець О.І. Державний устрій Туреччини в період республіки. – К., 1961, С. 53.
16. Gozubuyuk Seref, Kili Suna / Turk Anayasa Metinleri 1839-1980. – Ankara, 1982, S. 146 (Гюзюбуюк Шереф, Кили Суна. Турецкие конституционные тексты. 1839-1980 – Анкара, 1982).
17. Турецкая Республика. Справочник. – М., 1990. – С. 295.
18. Ататюрк Кемаль. Избранные речи и выступления, С. 325.
19. Rustow Dankwart. Mehmed Akif’s “Independent March”: Religion and Nationalism in Atatürk’s Movement of Liberation // JAISMEC. – P. 112-117.
20. См. Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках. – М., 1980. – С. 160.
21. Ibidem.
22. Ататюрк Кемаль. Избранные речи и выступления. – С. 325.
23. Ibidem.
24. Kili Suna. Atatürk Devrimi. Bir Çağdaşlaşma Modeli. – Ankara, 1981. – S. 240 (Кили Суна. Революция Ататюрка. Модернизационная модель).

25. Dumont Paul. Hojas for the Revolution: the religious strategy of Mustafa Kemal Atatürk // JAISMEC. – P.28.
26. Reychman Yan. Historia Turcji. – Wraclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk, 1973, S. 307-308.
27. См. подробно: Bruno Etienne, Tozy Mohamed. Les islamistes et la strategie geopolitique de l'Islam contemporain. // «Herodote» - Paris. 1984, № 35, P. 39; Ives Lacoste. Les embrouillements geopolitique des centres de l'Islam // «Herodote». - Paris, 1985, № 36, P.44.
28. Величко Л. Реакція та опозиція в Туреччині (За даними політичних процесів. 1925-1926. // «Східний світ», 1927, № 1, С. 27-31); Шамсутдинов А.М. Турецкая Республика. Краткий очерк истории. 1923-1961, - М. 1962, С. 25-26.
29. Lewis Jeffrey. Turkey – New York, 1955, P. 85; Гасряян М.А. Курды Турции в новейшее время. – Ереван, 1990, С. 107.
30. Новейшая история Турции. – М., 1968, С. 150
31. «Financial Times», London, 2010, March 11.
32. Киреев Н.Г. Внутриполитическая ситуация в Турции в конце XX – начале XXI ст. // Турция на рубеже XX – XXI веков, - М., 2008, С. 84.

Шлыков П.В. (ИСАА МГУ)

Проблема консолидации власти в Турции: до и после военного переворота 15-16 июля 2016 г.

Масштабные политические изменения, которые происходят в Турции после неудавшейся попытки военного переворота 15 июля 2016 г., по сути являются продолжением общей тенденции консолидации власти в руках Р.Т.Эрдогана, которая прослеживается с середины 2000-х гг. В докладе анализируются ключевые составляющие этого процесса в перспективе последнего десятилетия: подчинение средств массовой информации и судебной системы, переформатирование военно-гражданских отношений и установление контроля над сферой образования.

Контроль над информацией. По следам июльского путча власти инициировали тотальную санацию медиа-сферы – закрыто в общей сложности 180 различных СМИ, арестовано 127 журналистов. Однако ошибочно воспринимать эти события исключительно в контексте неудавшегося переворота и неизбежных при любом его исходе репрессиях. Гонения на оппозиционные СМИ и курс на установление жесткого контроля над медиа-сферой – часть государственной политики, которая была запущена еще в конце 2000-х гг., сделав подчинение СМИ одним из важнейших направлений консолидации власти в стране. Первым опытом стала газета “Star”, принадлежавшая политическому оппоненту Эрдогана Джему Узану. В 2004 г. правительство приостановило деятельность издания вместе с другими медиа-активами холдинга Узан. По схожей схеме в 2007 г. были «отчуждены» одна из самых тиражных турецких газет “Sabah” и пятый по популярности общенациональный телеканал “ATV”. В 2009 г. правительство расправилось с еще одним критиком власти – медиа-холдингом “Doğan”. После событий 2013 г. давление на оппозиционные СМИ и критикующих власти журналистов многократно возросло. Распространенной практикой стали массовые увольнения журналистов и их уголовное преследование. Таким образом, еще до июльского путча и последовавших за ним событий ключевые общенациональные СМИ в Турции были уже поставлены под контроль власти либо напрямую, либо через лояльных и преданных бизнесменов, что позволяло дозировать критику власти и доступ к информационному пространству оппозиционных сил.

Консолидация судебной власти. Еще одно направление консолидации власти – переформатирование судебной системы. По итогам первых месяцев действия режима чрезвычайного положения – отрешено от должности без малого 3,7 тыс. судей и прокуроров. Столь стремительная расправа над значительной частью судебного корпуса, которая фактически предвляла начало полноценного расследования неудавшейся попытки государственного переворота, можно

воспринимать как продолжение последовательного переформатирования судебной системы страны, которым правительство ПСР занималось последние шесть лет. Первые значительные шаги в деле реструктуризации судебной власти правительство ПСР предприняло еще в 2010 г. в рамках конституционной реформы (референдум 12 сентября 2010 г.).

Консолидация системы образования. Сфера образования приняла на себя самый сильный удар после неудавшегося переворота: уволено 41,7 тыс. сотрудников министерства образования – более 28 тыс. школьных учителей, преподавателей лицеев и т. д., более 6,3 тыс. сотрудников университетов и научных учреждений; закрыто 1284 школы, 800 общежитий и 15 университетов. Последние преобразования в системе школьного образования – хотя и проходят в условиях чрезвычайного положения – фактически являются очередным этапом проекта воспитания «благочестивого поколения», о котором Эрдоган стал говорить еще в 2012 г., в определенном смысле парируя гюленовскому проекту «золотого поколения» – высокообразованных мусульман, конкурентоспособных на мировом рынке труда.

Переформатирование военно-гражданских отношений. Кадровые чистки в руководстве Турецких вооруженных силах после неудавшейся попытки государственного переворота – более 4,7 тыс. уволенных офицеров, и масштабная структурная реформа – стали очередной вехой в запущенном еще в середине 2000-х гг. процессе переформатирования традиционной для Турции модели военно-гражданских отношений и лишения военной элиты политической субъектности.

Ягудин Б.М. (КФУ)

Военные перевороты в республиканской Турции: истоки, характер, результаты

Военные люди всегда составляли опору власти как в период Османской империи, так и в Турецкой Республике. По-разному складывались отношения армии в целом и различных её групп с правящими кругами как монархической власти, так и республиканской. Историкам-османистам следует оставить выяснение всех перипетий отношений военных с османскими монархами и их двором. Более актуальной является задача по выяснению истоков, характера и результатов острых противоречий между армией и светскими политиками, которые случились в республиканский период турецкой истории.

Само возникновение республиканской государственности на руинах Османской империи после Первой мировой войны во многом было связано с деятельностью профессиональных военных. Отцы-основатели Турецкой Республики, включая её лидера и идеолога Мустафу Кемалю Ататюрка, принадлежали к касте профессиональных военных. Дальнейший исторический путь республики также был связан с доминированием армии в политическом процессе вплоть до первого десятилетия XXI в.

Прямое вмешательство армии в ход политического процесса (опосредованное влияние здесь не затрагивается, оно может быть предметом отдельного исследования) происходило в периоды обострения социально-политических противоречий и неспособности светского политического истеблишмента решить насущные проблемы страны.

Первое серьёзное вмешательство армии в политику произошло в 1960 г. после неудачной попытки тандема Дж. Байяра – А. Мендереса провести масштабную либерализацию после тридцати лет политики этатизма. Военный переворот, лидером которого стал Дж. Гюрсель, привёл к образованию так называемой «Второй Республики» с новой конституцией и реформатированием всего политического ландшафта.

В 1971 г. армия внесла «коррективы» в режим «Второй Республики», который многие квалифицировали как очередной военный переворот. При этом светская политическая элита не смогла на рубеже 1970-80-х гг. справиться с проблемами страны, что сгенерировало новое вмешательство военных в политический процесс.

Все факты вмешательства армии в политический процесс могут быть квалифицированы по двум критериям: «жесткие» перевороты и «мягкое»

политическое давление, которое по существу также имело характер и последствия переворота.

В 1980 г. произошёл самый жёсткий и самый кровавый из военных переворотов в Турции, который ассоциируется с фигурой генерала К. Эврена. Суровыми полицейскими мерами военным удалось загасить анархию в стране, конституировать новую, «Третью Республику» и запустить «новую либерализацию» Т. Озала.

1996 г. дал ещё один случай «мягкого» вмешательства армии в политическую жизнь страны. Под давлением армии и угрозой очередного переворота вынужден был уйти в отставку первый в истории Турецкой Республики Премьер-министр исламист Н. Эрбакан.

Ситуация в корне изменилась в XXI в. Мировые тренды сделали военные перевороты практически неприемлемыми. Изменился и турецкий социум. Понимая всё это, армия вынуждена была вплоть до 2016 г. «терпеть» правление происламской Партии справедливости и развития. Плохо организованная попытка военного переворота в июле 2016 г., завершившаяся полным разгромом путчистов, открыла совершенно новую страницу во взаимоотношениях армии, светских политиков и общества.

Яковлев А.Ю. (Государственный университет управления)

Взаимоотношения мусульман и индуистов и их влияние на обстановку в Южной Азии

История развития человечества ярко показала насколько будущее империй, государств и отдельных территорий зависит от характера взаимоотношений народов и конфессий, проживающих на них. Одним из подтверждений данному умозаключению выступают события, связанные с разделом Британской Индии. Если вспомнить тот период, то именно конфликт между представителями 2-х крупнейших конфессий привел к образованию на религиозной основе Пакистана и Индии и вхождению в них территорий преимущественного проживания соответственно мусульман и индуистов. Дальнейшая эволюция южно-азиатских государств не раз подтверждала, что отношения между индуистами и мусульманами, а главное их обострение, имеет для Южной Азии первостепенное значение. Масштаб конфликта давно вышел за внутрисударственные рамки и приобрел международный характер.

Корни конфликта уходят глубоко в прошлое, а начало активной стадии противостояния приходится на конечный период антиколониальной борьбы. Одним из следствий напряженности отношений между конфессиями и постоянным источником взаимной агрессии выступает кашмирский вопрос. Увы, он не является единственной причиной межконфессионального конфликта мусульман и индуистов и к нему стоит прибавить следующие причины:

- различие в базовых принципах религий, представлениях и ценностях;
- низкокастовое происхождение значительной части мусульман, проживающих за пределами Пакистана и Бангладеш;
- историческая неприязнь мусульман и индуистов;
- память о массовых жертвах, которыми сопровождался раздел Британской Индии;
- наличие территорий с преобладанием последователей ислама вне границ мусульманских стран и их концентрированное проживание;
- поддержка со стороны некоторых представителей властей Индии радикальных индусских националистических организаций;
- разобщенность мусульманской общины.

Указанный перечень не является исчерпывающим, но показывает характер и глубину противоречий.

Что касается будущего мусульманско-индусского противостояния, его история и глубина говорят о том, оно вряд ли прекратится в обозримом будущем.